

ЮРИЙ СОКОЛОВ

ВРАТА АДА

16+

Хроники хаоса

Юрий Соколов

Врата ада

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Соколов Ю.

Врата ада / Ю. Соколов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Хроники хаоса)

Если самое плохое уже случилось, казалось бы, можно ожидать только изменений к лучшему. Но это неверно — все может быть еще хуже. Сделанное некогда видным ученым предсказание сбылось: по всей планете открываются хоулы — проходы в другие миры. Вторжение из них на Землю множества живых существ, от огромных кровожадных чудовищ до вызывающих губительные пандемии микробов, стало повседневной действительностью. Однако человечеству удается справляться с трудностями, пока прямо посреди столицы одного из государств не открывается хоул, который впоследствии получит название «Врата ада», — и многомиллионный город превращается в ад. Хаос распространяется по его окрестностям и грозит охватить всю страну, а следом — всю планету. Остановить катастрофу возможно лишь проникнув в другой мир и узнав о причинах. И первыми туда идут разведчики Объединенных сил противодействия.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Пролог

– Добрый день, уважаемые телезрители, – хотя для кого-то из вас это может быть вечер, а для кого-то утро. В эфире международная программа «Мир сегодня»; с вами я, журналист российского телевиденья Антон Горовиц, и мой американский коллега, оператор Билл Додсон. Мы ведем прямой репортаж с окраины Гринфилда – небольшого провинциального городка в штате Миссури, США. Здесь, как вы можете видеть, именно день, и смею вас заверить, для местных жителей он совсем не добрый: город оцеплен полицейскими подразделениями и частями Национальной гвардии; что происходит – совершенно непонятно; люди в панике пытаются прорвать кордоны изнутри, в том числе с применением огнестрельного оружия; те, кто оказался по эту сторону оцепления, напротив, стремятся попасть в город к своим семьям. Сквозь общий шум постоянно слышатся выстрелы, а иногда и взрывы. Вот опять – слышите?.. Заявлений официальных лиц пока не было, в новостях тоже ничего нет. Жители соседних населенных пунктов теряются в догадках. Мы обратились за разъяснениями к полковнику Картрайту, который любезно согласился ответить на наши вопросы и прояснить ситуацию... Полковник, прошу вас, всего пару слов!

– Пару слов – это можно! Полное дерьмо – вот все, что я могу сказать о ситуации.

– А нельзя ли чуточку подробнее? Что случилось? Почему город оцеплен?

– Что случилось? Да ничего особенного – просто прямо перед мэрией в пространстве образовалась дыра. Натуральная здоровая дыра, понимаешь? Она именно так выглядит, откуда ни смотри. А из нее в город лезет какое-то агрессивное зубастое дерьмо и расползается по улицам. Видел бы ты это...

– А вы видели?

– Я? Да, черт возьми! Вовек не забыть.

– И на что это похоже?

– Ты с ума сошел парень! Ни на что это не похоже. Должно быть, с той стороны дыры и вправду другой мир, мать его!.. Слышал, что ученые говорят? В Африке уже в двух местах то же самое началось!

– И каковы будут ваши действия? У вас есть приказ?

– Есть ли у меня приказ? Да, черт раздери! У меня приказ никого не выпускать из города, пока не будут развернуты карантинные посты. И еще у меня приказ остановить проникшее к нам потустороннее дерьмо и запихать его обратно. Хотя, убей бог, не знаю, как это сделать.

– А если не получится?

– Лучше бы получилось! Иначе мы все окажемся по уши в этом дерьме...

Глава 1

Авиабазы Объединенных сил противодействия в Пакистане. Шестой год после начала интеграции миров и гринфилдских событий.

Сирена взвыла, как всегда, внезапно. И, как всегда, пронизывающе – до глубины кишок. За три года в учебке и пять лет работы скаутами мы так и не сумели к этому привыкнуть, как и заставить себя реагировать спокойнее. И только недавно узнали от знакомых научных, что сигнал с тем расчетом и моделировали: привыкание к нему невозможно. Первые звуки тревоги – и ты уже на нервах, а заодно и в полной боевой готовности. Вот и сейчас... Хорошо хоть никто не успел улечься и заснуть – нас не разбудили. Плохо то, что и отдохнуть не дали.

Сегодня вой сирены показался мне особенно неприятным. Он предвещал не просто проблемы, а большие. Нет, не так, – БОЛЬШИЕ.

Может, психотехнологи и это смоделировали. Может, у сигнала неразличимые для слуха вариации есть. Надо потом спросить у научных – если в живых останемся.

Похватав оружие и снаряжение, мы мчимся на аэродром, с которого пришли приятным прогулочным шагом лишь двадцать минут назад. Справа и слева несутся к своим самолетам все три группы спецназа поддержки. О-о-о, точно, серьезные дела – на планеты с ясным солнышком и бабочками спецназ со скаутами не посылают. Тем более – в полном составе.

– Вашу мать, вашу мать, вашу мать!.. – глухо и ритмично ругается на бегу Артем.

– Хочу спать, хочу спать, хочу спать, – уныло вторит ему неверным эхом Даша.

Это кажется нам смешным, и мы ржем. Невесело, но дружно. Лето, жарко, давно не было дождя; из-под ботинок бегущих впереди взлетают облачка пыли, похожие на маленькие взрывы. И действительно жутко хочется спать...

– На лету выспитесь! – поприветствовал нас Гридин, когда мы ввалились в салон. Сам он даже из самолета вылезти не успел.

– Ага, выспишься тут на лету, – проворчал я, сбрасывая с плеч рюкзак и падая в кресло.

Нет, в самом деле, – двадцать минут как приземлились, а еще шестью часами раньше мы с боями возвращались из дальней разведки по Танганару. Два часа штурмовали тамошний хоул, чтобы на Землю пройти. Час тряслись в машинах по проселку до взлетно-посадочной, поскольку ближе к хоулу на Танганар никто и ничто не садится. На три часа вырубались, пока на базу летели, а здесь – на тебе.

– Выспишься, Серега, выспишься, – успокоил меня Гридин. – Сейчас лететь дольше.

– Слушаюсь, командир, – вяло отозвался я. – Есть выспаться!.. А на сколько дольше-то?

– На пятьдесят минут.

Все опять почему-то заржали, включая меня, хотя стоило бы зыгнуться в рыданиях. Отсмеявшись, я покрутил головой, пытаюсь понять, что вокруг не так, – а что-то было не так. Переглянулся с Дашей и только тогда понял. Ну да – обычно самолет стартует, едва последний скаут окажется внутри. А тут – стоим. Летуны не успели заправиться? Не может быть – ребята дисциплинированные, порядок знают. И Гридин же здесь торчал – он бы им не заправился.

– Чего стоим-то? – спросил Пашич.

– Дожидаемся высокого гостя, – ответил Гридин. – Спокойно, парни-девчата. Его самолет уже на посадку заходит.

И вот люк захлопнулся – за кем-то. Но в салоне этот «кто-то» не появился. Зато мы наконец пошли на взлет.

– Усвоите вводную – и можете дрыхнуть, – сказал Гридин. – Беспокоиться не о чем – сразу по прибытии в разведку не идем. Для начала нас ждет простая и понятная пальба по всему, что не так шевелится. Участвуем в зачистке города от его гостей и коренных жителей. Не

всех, конечно, а только тех, что хомосапиенс-тест не пройдут. Правда, таковых там большинство. У местного отделения ОСП ресурсов не хватает. У соседей тоже – потому нас и дернули.

Мы с Дашей вновь переглянулись. Если уж скаутов бросают на зачистку, значит, дела в том городе и у ОСП совсем швах. И швах, в перспективе, мирового масштаба. Или уже переросший в таковой. У меня аж мурашки по спине побежали. Не хватает ресурсов... У Объединенных сил противодействия?!..

– С общевойсковыми частями в проблемной зоне порядок, – успокоил нас Гридин. – Спецназ не хватает – нельзя ж его по всей планете поснимать и послать туда. А мы – тот же спецназ...

– Только лучше, – ввернул Даго.

– И покойники из нас получаются лучше, – добавил я. – Красивее.

Скауты снова заржали. Нет, не к добру это – чего мы сегодня так ржем? В нашей группе из первоначального состава осталось шесть человек. Во второй – трое, в третьей – вообще один. От четвертой группы осталась только память. «Двушку» и «трешку» кой-как доукомплектовали, а нашу «единичку» и доукомплектовывать оказалось нечем: новички нужны для формирования свежих команд. «Четверку» не восстановили, и не собираются. Под сотню хоулов уже по всей Земле, и ведут они в сорок шесть разных миров. Регулярно открываются новые. И везде нужны скауты. И везде нас может ждать смерть – даже на планетах с ясным солнышком и бабочками. Так что текучка кадров у нас большая – в основном на тот свет. Может, и видим-то друг друга в последний раз...

В кресле слева от меня – Даша. Рыжая, конопатая, курносая – и что я в ней нашел? Сроду не влюблялся в рыжих, а тут угораздило. Правда, повод был особенный – мы оказались в джунглях на другой планете еще до интеграции миров. Я плюс она – это легендарная пятая двойка первой разведгруппы ОСП. Неубиваемая, непотопляемая, и так далее, и так далее. Мы с Дашей единственные из первого выпуска учебки, кто не хоронил напарников.

Через проход от нас – серб Пашич, в прошлом актер. С такой внешностью только в кино и сниматься, – но он давно этого не делал. Рядом – африканец Даго, черный, как мои грехи. Когда-то пас коз, или коров, или кого-то еще, без разговоров отстреливая из перевязанного изолентой автомата всех, кто приближался к его стаду с подозрительными намерениями. Не умел ни читать, ни писать даже на родном языке, – если у его племени вообще письменность была. Теперь на семи языках свободно говорит и читает, далеко превзойдя в этом плане стандарты Объединенных сил, а вид такой важный, точно он не рядовой скаут, а председатель ООН. Дальше – вьетнамец Зунг. Раньше он был... я не помню, кем. Кажется, поваром. Артем кем только не был, пока не попал на Сатанаил, – тоже еще до интеграции. Там ему страшно изуродовало лицо. Оно у него сплошь в таких шрамах, что и смотреть без содрогания было бы нельзя, если б не Артемкины глаза: живые, добрые, веселые. Все мы вместе – один из последних кусочков бывшего интернационала полевой разведки ОСП. Начиная с четвертого курса группы формировали уже по национальному признаку...

– Проблемная зона охватывает целиком крупный город с его окраинами, – начал Гридин, расхаживая туда-сюда по салону. – И с прилегающими к нему территориями, – но это уже не наша забота. После открытия хоула в городе имеет место нетипичный мутагенез...

– Что за город-то? – спросил Даго.

– Секретная информация. По крайней мере пока. Гриф Центрального комитета «Противодействия».

– Нифига себе новости! – изумился Артем.

– Хорош борзеть! – рявкнул Гридин. – Вы перебивать меня будете или слушать? Я вам командир или кто? Вы допрыгаетесь – точно подам рапорт, чтоб расформировали нашу анархию к чертям!

– Нет, правда, – сказал Пашич, не обращая на угрозу Гридина никакого внимания, поскольку тот повторял ее в среднем раз в месяц на протяжении последних пяти лет, и пугать нас она давно перестала. – Что за идиотизм? Не сказать, где работать будем?

– Мы же все равно на месте узнаем, – вкрадчиво заметил Зунг. – Даже раньше – как только карты получим.

– Вот тогда ты и узнавай, – повернулся к нему Гридин. – А сейчас заткнись. Ты поспать до прибытия хочешь?.. Остальные хотят? – оглядел он нас. – Если да, давайте без реплик не по делу. Мы люди служилые, бывалые, ко всему привычные, в том числе к внезапному идиотизму начальства. А не нравится быть такими – увольняйтесь нахер. Ферштейн?

– Ферштейн, – сказал Даго, доставая из рюкзака Библию в карманном переплете. Не то чтобы он собрался ее прямо сейчас читать – просто она и без чтения помогает ему победить любой идиотизм.

– Итак, – продолжил Гридин, – в проблемной зоне идет нетипичный сверхбыстрый мутагенез всего и вся – горожан, их любимых кошек и бродячих псов. По итогам процесса получаются монстры, каких в бреду не увидишь. Что за мир по ту сторону хоула – никто не знает. Что там происходит – никто не знает. Что служит причиной столь бурных мутаций – тоже никто не знает, и выяснять все это впоследствии предстоит нам. То есть смотрим, разбираемся в обстановке и попутно делаем полезное дело, сокращая численность наличных упырей. Компренде?

– Компренде, – сказал Зунг, перекачивая в руке массажные шарики. Они вырвали его точно так же, как Даго – Библия.

– А где наш высокий гость? – спросила Даша.

– Да в кабине же он, – ответил Артем. – Вкручивает пилотам насчет секретности.

– Нет, я точно рапорт на расформирование подам, – вздохнул Гридин.

– Но ты ведь уже закончил, – сказала Даша. – Остальное гость расскажет. Иначе зачем бы он здесь?

Гридин оценивающе посмотрел на нее, откинув голову назад и заложив большие пальцы рук за ремень.

– Выговор тебе? – спросил он. – Или сразу расстрел?

– Расстрел, – без колебаний выбрала Даша.

– Можно мне в исполнители приговора? – встрял я. – Давно хочу новую девушку, а Дашка мешает.

– Спасибо, любимый.

– Выполним работу – я вас сам расстреляю, – пообещал Гридин. – Всех, кого мутанты не сожрут.

Хлопнула дверь в кабину, и в салон вошел светловолосый стройный мужчина в форме ОСП.

– Рад приветствовать вас на борту, капитан, – сказал Гридин. – А также и в нашей теплой компании... Или прикажете величать вас господином советником?

– Я здесь в качестве куратора вашей группы, – ответил светловолосый, и я по выговору угадал в нем американца. – Но не беспокойтесь – мое вмешательство в ваши дела будет минимальным.

Никто из нас не подумал встать и отдать честь. Уж если есть в ОСП что-то по-настоящему хорошее, так это отсутствие кретинских ритуалов.

– Куратор, вот как, – протянул Гридин.

Говорил он спокойно, обыденно, однако чувствовалось, что они с капитаном знакомы давно, – наверно, с тех еще пор, когда Гридин вращался в самых высоких кругах Объединенных сил. И что знакомство не было приятным.

– Меня зовут Джон Смит, – обратился к нам американец, сопровождая свои слова широчайшей белозубой улыбкой, похожей на рекламу вставных челюстей. – Я из отдела стратеги-

ческого планирования Главного управления ОСП. Сначала вынужден взять с вас подписки о неразглашении – формулировка стандартная, можете не читать.

Достав планшет, он не спеша обошел всех, включая Гридина. Несмотря на его уверения, каждый из нас все же прочел текст, прежде чем приложить ладонь к экрану.

– Джон Смит, – сказала Даша самым издевательским тоном, зафиксировав свое согласие хранить тайны. – Какое у вас оригинальное имя!

– Да, я ведь сам его себе выбирал, – ответил капитан не моргнув и глазом. – И знаете что? Когда проверил по спискам, оказалось, что не только в нашем отделе, но и во всем Главном управлении нет ни одного Джона Смита. Банальность, которой все избегают, нередко становится уникальной... – Он быстро и мягко забарабанил пальцами по экрану планшета и добавил: – Все, ребята, информация ушла на ваши импланты.

– На те пейджеры, что нам внедрили в мозги вместо нормальных девайсов, вы хотите сказать? – уточнил Артем.

– Постановление об имплантах никто не отменял, – напомнил ему Смит. – Вам дали лучшее, что только возможно было дать, не нарушая его.

– Какая законопослушность, – проворчал Пашич.

Гридин ткнул пальцем в браслет на левой руке и выбрал команду на развернувшемся в воздухе экране.

– Быстрый предварительный просмотр, – сказал он. – А потом продолжим.

Я коснулся своего браслета, активировал имплант и закрыл глаза. Когда-то у меня стоял настоящий имплант – не самый лучший и мощный, но это был целый мир прямо в голове. А наши штуковины пейджерами назвать – значит, сделать комплимент. Власти всех стран так боялись повторения истории с либерами, получившими свои способности именно благодаря имплантам, что действительно свято блюли законы, которые сами же и наштамповали, не делая исключений даже для спецслужб.

Та-а-ак, что тут в наличии? Вначале глянем, куда нас несет судьба. Подписки даны, формальности соблюдены – долуй секретность! Даешь панорамы проблемной зоны...

Первая же рассказала мне если не все, то многое. Впрочем, потому она и первая – спецы по конструированию вводных таких мелочей не упускают. Огромная железная женщина на снимке сжимала в правой руке меч, а щит вместе с отломанной левой валялся внизу: то ли ракета у пацанов неуправляемая была, то ли они ею управлять не умели, то ли просто вот так получилось. На фоне дымящихся руин киевская «Родина-мать» казалась покалеченной богиней войны, приготовившейся окончательно уничтожить город. Вторая, третья и последующие панорамы прекрасно проиллюстрировали бы историческую презентацию «Освобождение Киева советскими войсками от фашистских захватчиков». Ну, если не придирается к деталям. Танки и бронетранспортеры на улицах, артиллерия кое-где, солдаты, солдаты и снова солдаты – и все это куда-то стреляет. Целые здания, горящие и уже сгоревшие. Трупы среди куч битого кирпича, перевернутые и сплюснутые бронетехникой легковушки. Вот здесь наши наступают. Там отступают... Все, хватит, крупный план и карты оставим на потом.

Пока посмотрим, с кем нам предстоит воевать. Ох, чует мое сердце, что уж лучше бы там были фашистские захватчики... Где инфа? А, вот. Известные результаты мутагенеза...

Они впечатляли. Тем более что мутации, приводящие к таким результатам, еще недавно происходили за несколько часов.

Я стал просматривать базы данных, стараясь выхватывать главное, то есть самых опасных тварей и их важнейшие признаки.

Минотавр – существо с той стороны хоула. Голова бычья, лапы как у хищника, тело не пойми чье. Силен и быстр невероятно, прожорлив как целый львиный прайд. К счастью, на нашей стороне минотавров замечено немного.

Баскер – продукт сверхбыстрой мутагенной эволюции собак. Вес до ста килограммов, кожа голая, тошнотворного серо-белого цвета. Мышцы как у культуриста, глаза красные, клыки и когти ядовиты. Некоторые особи светятся в темноте.

Крюгер – гибрид человека и неизвестного существа, скорее всего, с той стороны. Похож на Фредди Крюгера из «Кошмара на улице Вязов», только когти свои, родные.

Иглуру – существо с той стороны. Похоже на помесь дикобраза и кенгуру. Стреляет отравленными иглами на расстояние до десяти метров.

Потрошитель – гибрид нескольких существ и других гибридов. Когти как у крюгера, прыгает как иглуру.

Пожиратель – то, во что может превратиться человек, дай ему волю. Похож на зомби из фильмов ужасов, но быстр и полон сил.

Гутангер – то ли человек, решивший стать обезьяной, то ли наоборот. Морда как у орангутана, мощные мышцы. Кожа голая, темно-серая, рост до двух метров.

Омега – недоразвитый пожиратель. Не так бодр и силен, как развитый. Но все равно, при встрече лучше не зевать.

Кысь – продукт мутагенной эволюции кошек. Характеристики как у баскера, габариты как у рыси.

Мышак – обычная мышь, подросшая настолько, чтобы превратившаяся в кысь кошка не потеряла к ней интерес. Крупные мышаки набирают до десяти килограммов и больше. Хватка у них бульдожья, и отодрать их от себя без посторонней помощи трудно.

Крысак – ну, для охоты на такого кысям лучше объединиться в стаю. Тем более что сами крысаки чаще всего сбиваются в стаи – иногда очень большие.

Птицер – гибрид птицы с кем-то еще или просто птица-мутант. Разновидностей множество. Размах крыльев от метра до семи.

Жабоящер – что-то среднее между лягушкой и ящерицей, и тоже страдающее гигантоманией.

Кротовник – когда-то портил лишь газоны в парках в качестве крота, а теперь может взламывать асфальт и неармированные бетонные покрытия толщиной до десяти сантиметров. Размер и вес – как у призовой свиньи. Если провалишься в открытый им ход, а он как раз там, запросто откусит ногу. Это как минимум.

Тигромедведь... Слоносорог... Жирафозавр... Стоп, стоп, а эти-то откуда в Киеве? Ах да, ведь городе был большой зоопарк. И уж там кто только не сидел... Крупных тварей легко выслеживают и уничтожают беспилотники. Мелкие бродят по улицам, осваивая новые места обитания.

Странно – почему-то отслежено мало мутантов и гибридов с той стороны хоула. Наши оказались круче и не дают чужакам хода на родной земле? Или мутаген в соседнем мире не слишком свирепствует?

Кстати: факторы риска. Что? Не выявлено? Ну да, так и есть. Можно заразиться на окраинах проблемной зоны несмотря на любые средства индивидуальной защиты и остаться незараженным в центре, будь ты там хоть голый и весь покусанный мутантами. От другого бича зоны – гиперинфекций – также нет спасения, и подцепить (или не подцепить) их можно как вблизи хоула, так и вдали от него. Предположительно, это различные штаммы исходного мутагена, которые, однако, не приводят к мутациям, а имитируют деятельность в организме возбудителей обычных инфекций, только в экстремальном режиме.

Следовательно, важна лишь природная устойчивость к мутагену и его производным или восприимчивость к ним? И элементарное везение-невезение?.. Ладно, позже разберемся. Лучше глянем резюме.

Все существа имеют повышенную температуру тела и способность к ускоренной регенерации тканей. Питаются оставшимися в черте города незараженными гражданскими, зазе-

вавшимися бойцами ОСП и друг другом. Чрезвычайно быстро размножаются и активно скрещиваются, производя на свет новые гибриды. Беспилотники не способны распознавать незнакомых тварей как мутантов без помощи системных операторов. А операторы, ясен пень, могут отследить их только случайно, потому что видят лишь через камеры равнодушных к свежим гибридам беспилотников. Поэтому при нахождении в любой части проблемной зоны следует соблюдать предельную осторожность – независимо от того, насколько тщательно она патрулируется с воздуха.

Прослеживается четкая закономерность: чем меньше был мозг у нормального существа, тем охотнее оно увеличивается в размерах вследствие мутаций, если для этого нет внутренних и внешних ограничений.

А что с насекомыми?.. Ну да, тоже мутируют и растут ударными темпами, но серьезной опасности не представляют, поскольку почти подчистую поедаются другими мутантами. Кроме того, их хорошо отпугивают обычные фумигаторы.

Простейшие одноклеточные тоже растут, и в дальнейшем не исключена вероятность появления совершенно новых видов живых существ...

Растения не отстают от прочих организмов. Извращаются как могут.

Впрочем, в настоящее время мутагенез сильно замедлился. Очевидно, это связано с тем, что первичный мутаген и сам мутировал, потеряв свою изначальную поражающую способность. Хотя рецидивы не исключены, скорее ожидаемы...

Особые пометки: в первый период существования проблемной зоны разведка беспилотными техническими средствами бывала затруднена вследствие сбоев в работе интеллектуальных систем. Часто и вовсе невозможна – по трудноопределимым причинам, не связанным с обычными помехами от хоула... А сейчас – возможна? Уже да, но вероятность несовпадения интерактивных карт с действительностью все еще составляет четыре целых и две десятых процента...

Все интересней и интересней. Сбои, не связанные с обычными помехами? «Обычные» – это мощные энергоинформационные вихри, порожденные столкновением общих информпотоков в самом начале взаимодействия двух миров, сразу после рождения хоула. Черт, а какие тогда необычные?..

Я быстро перебрал в памяти самые гиблые места, где довелось побывать нашей группе, и самые плохие события, очевидцами и участниками которых мы стали. Хоул в Серенгети, хоул в Гринфилде, хоул на Ямале, хоул у подножия Казбека... Эпидемия в Индонезии, пандемия в Центральной Америке, катастрофа в Японии... За пять лет интеграции не раз и не два случались нашествия на Землю самых кошмарных существ с такими же кошмарными повадками. Многократно и повсеместно возникали очаги мутагенеза – иногда с ужасающими последствиями. Однако то был обычный мутагенез – или более-менее обычный, механизмы которого поддавались пониманию. Но чтоб собаки превращались в баскергов за полдня? Нет, не бывало такого.

Имплант коротко пиликнул, напоминая, что просмотр вводной предварительный, а не бесконечный. Я открыл глаза. Остальные тоже.

– Занимательно, – сказала Даша.

– Есть хотя бы догадки относительно причин? – спросил Зунг. – Какие-то предположения?

– Нет, – ответил Смит.

– Не кривите душой, – повернулся к нему Гридин. – В итоге нам предстоит сработать именно как скаутам. И ребятам лучше уже сейчас знать, что в городе существовала засекреченная биологическая лаборатория ОСП. Под прикрытием Института красоты и гигиены. Насколько мне известно, она находилась как раз в центре нынешней проблемной зоны. И рождающийся хоул развалил ее к чертям – так?

Смиту потребовалось взять длинную паузу и пару раз глубоко вздохнуть, чтобы сохранить хладнокровие.

– Биоматериалы из лаборатории никак не могли привести к подобным последствиям, – сказал он. – Не забывайте, Гридин, что теперь вы всего лишь командир разведгруппы. И хорошо подумайте, прежде чем выдвигать обвинения.

– Я никого не обвинял, – возразил Гридин. – И ничего не утверждаю. Я только сказал, что ребятам лучше знать факты. *Все факты*, – с нажимом добавил он.

– Говорю вам: лаборатория ничем опасным не занималась, – сказал Смит.

– В таком случае зачем ее закамouflировали под институт?

– Хорошо, если сомневаетесь – запросите полный доступ к информации по лаборатории в Главном управлении. Я поддержу запрос.

– Поймите меня правильно, Смит, – я ни под кого не собираюсь копать, – сказал Гридин. – Как вы справедливо заметили, я всего лишь командир разведгруппы. И, как вы знаете, перешел на эту работу чисто добровольно. Все, чего я хочу, – это делать ее хорошо.

– А я всего лишь хочу, чтоб вы не тратили время на разработку ложных версий, – повысил голос Смит. – Лаборатория тестировала улучшенные вакцины от давным-давно известных экзoинфекций. Закамouflировали ее, как вы выразились, просто для того, чтобы не было ненужных разговоров. И будьте спокойны, мы первым делом отработали сценарии, по которым в случившемся повинна именно она. Но ни одна из построенных моделей даже близко не дала того варианта развития событий, который имеет место в действительности. Мутаген занесен с той стороны – и как только позволит обстановка, вам надо идти на ту сторону.

– Естественно, пойдём, – пообещал Гридин. – Однако попробуйте взглянуть на ситуацию с моей точки зрения: вы никак не могли построить модель, по которой неизвестный пока, и, возможно, не слишком опасный чужеродный мутаген приобрел свои нынешние свойства, вступив во взаимодействие с вашими улучшенными вакцинами.

Смиту пришлось взять паузу еще длиннее.

– Они не мои, – сказал он наконец и примирительно улыбнулся, позаботившись о том, чтобы улыбка выглядела не слишком искусственной. – И лаборатория была не моею. Поступайте так, как считаете нужным. Повторяю: я поддержу ваш запрос.

– Ладно, ребята, – обратился к нам Гридин. – Полный просмотр – и спать.

– После такой вводной, пожалуй, заснешь, – пессимистично заметила Даша.

И оказалась не права. Через двадцать минут все уже спали, включая ее и Гридина. Смит тоже развалился в кресле и закрыл глаза. Я отрубился последним, мысленно пожелав ему плохих сновидений.

Глава 2

Мой внутренний будильник сработал отменно – проснулся я за несколько секунд до того, как в голове прозвучал сперва сигнал импланта, а затем голос Гридина: «Ребята, подъем». Я это давно осваивал – и вот освоил. Терпеть не могу, когда меня будит кто-то или что-то; уж лучше самому. Самолет заходил на посадку. Под крылом плыли пригороды Киева с дымными пятнами пожарищ. Импланты на протяжении всего полета прокручивали вводную в фоновом режиме, без усталости вдалбливая нам в память мышаков, иглуру, гутангеров, и как с ними бороться, а освобожденный от мирских забот разум добросовестно генерировал из поставляемой ему информации красочные кошмары. Как следует выспаться, естественно, никто не успел. За исключением, может быть, Смита. И это несмотря на мои дружеские пожелания ему.

– Поднимите мне веки! – простонала Даша.

– Будь я командиром, – сказал Пашич, – будил бы тебя исключительно поцелуями.

– Будь ты таким командиром, давно лежал бы в гробу, – заметил я.

– Ревнивец. Ревность давно не в моде. Это жуть какой архаичный инстинкт.

– А мне плевать.

На аэродроме уже ждали вертолеты.

– Эй, элита! – окликнул нас на бегу командир второй группы поддержки Грицай. – Вы же такие квелые?

– Это потому, что тебе только стрелять, а нам еще и думать надо, – откликнулся Артем. – Нагрузка больше.

– Ой, мыслитель! Надумаешь что – сразу скажи, а то пропадем!

– Ты пропадешь... С тебя дождешься. Хохол пронырливый.

– От москаля слышу!

Наши подразделения четыре года вместе на операциях – и четыре года Артем с Грицаем переругиваются. Им это до того нравится, что непонятно даже, как они раньше вообще могли жить друг без друга. Думаю, если один из них погибнет, второй зачахнет с тоски.

Смит, хоть и налегке, поотстал и залез в вертолет последним. Вроде, подтянутый, молодой и наверняка тренированный – да, видно, отвык бегать по-настоящему в своем отделе планирования.

Как только вертолеты поднялись в воздух, пришли обновления вводной и баз данных по мутантам. Я вызвал на импланте интерактивную карту города и активировал систему распознавания «свой-чужой-гражданский». В глазах на миг потемнело, но наложение прошло нормально, и я посмотрел в иллюминатор. Город внизу запестрел зелеными, синими и красными точками. Зеленые, обозначавшие бойцов ОСП, тяготели друг к другу, к бронетехнике, передвигались небольшими сплоченными группами или рассредоточено, в хорошо знакомых боевых порядках. Бледно-зеленые пунктирные стрелки показывали направления движения подразделений, патрулей и конвоев. Синие точки в основном заполняли изолированные анклавов размером от двух – трех до нескольких десятков кварталов. Там оборонялись от мутантов сохранившие человеческий облик киевляне, которых еще не успели эвакуировать. Вертолетчики перебрасывали им оружие, боеприпасы и продовольствие, забирая обратными рейсами всех, кого могли; однако транспорта, судя по всему, не хватало катастрофически. Красные точки отмечали мутантов, и их было много, очень много. И это ведь только те, которых сумели засечь большие беспилотники-наблюдатели наверху и их маленькие юркие собраты внизу. А сколько еще в домах и развалинах? Под ними в подвалах? В метро? В коллекторах?

Так, а почему справочник нет? Ни названий улиц, ни номеров домов, ни характеристик воинских частей...

– У меня детализация не работает, – сообщил Даго. – Командир – ты, что ли, не включил? Даже в соседних вертолетах «какие-то там о-эс-пэшники», а вовсе не наш спецназ.

– И у меня не работает, – сказал Зунг.

– И у меня...

– У меня тоже, – ответил Гридин сразу всем. – Общий сбой, сейчас наладят.

Системные операторы словно дожидались его слов, чтобы поправить дела в лучшую сторону. И поправили так основательно, что присутствующие в салоне засветились зеленым светом, а всплывающие окна стали вываливать чуть ли не все их досье целиком. Я полюбовался на Дашу, вокруг рыжей головы которой сиял красивый изумрудный нимб, и полез в настройки. На расстоянии вытянутой руки я свою самую большую любовь в жизни от криюгеров и баскеро́в как-нибудь отличу без подсветки и подсказок. Даже Артема отличу. Хотя он-то на криюгера физиономией весьма похож.

На лету наши «вертушки» то и дело коротко постреливали из пулеметов.

– Птицеры, – пояснил Смит. – Беспилотники со всеми не справляются.

– И много тварей по округе разлетелось? – спросил Гридин. – Какие оценки?

– С учетом положения – самые утешающие. Птицеры едва встанут на крыло, тут же начинают охотиться. Конечно, на то, что поближе. То есть над городом. И с остальными мутантами так же. Отмечено множество случаев, когда мутант мог уйти сквозь дыру в оцеплении, но не уходил, а продолжал пожирать добычу или нападал на бойцов.

Я машинально запросил подробности на импланте. Все верно. Для наблюдаемых преобразований тела существам требуется очень и очень много пищевых ресурсов. При их недостатке явные хищники начинают есть траву и обгладывать кору с деревьев в парках. Даже землю едят. И все это более-менее успешно переваривают. В топке их чудовищного метаболизма сгорает почти что угодно, разница только в полезной отдаче. Травоядные при нехватке пищи, наоборот, пробуют добывать мясную. И быстро отращивают себе клыки, когти и остальное, потребное для нового образа жизни. Однако высочайшая приспособляемость имеет и свою обратную сторону: все мутанты, включая бывших людей, плохо соображают в сколько-нибудь сложных ситуациях. Мозг и в спокойном состоянии потребляет слишком много энергии, – а при активном мышлении глотает ее ненасытно. И постоянно мутирующий организм вынужден на нем экономить...

Но про обстановку вокруг города ни слова. Не зря Гридин спросил. Видно, такого и в его вводной нет. А в наших даже общая обстановка в самом Киеве не обрисована. Составители вводных – большие противники пустого любопытства, ненужного для выполнения конкретных задач. Хочешь – сам делай выводы, пользуясь тем, что дали, или расспрашивай знающих людей. Если той самой энергии у тебя дофига и на мозг ее не жалко.

– Значит, местный ад все же реально локализовать и уничтожить? – спросила Даша.

– От слишком оптимистичных прогнозов пока воздержусь, – ответил Смит. – Периферия проблемной зоны уже охватывает все сопредельные Киеву территории. И хотя за городскую черту чаще всего проникают лишь единичные особи, некоторые из них оплодотворены и приносят потомство. И впоследствии... гм-м-м... открытые ими филиалы ада ликвидируются с большим трудом.

На какое-то время все замолчали, слушая шум винтов, приправленный пулеметными очередями.

– А ведь прав Грицай, – сказал через несколько минут Пашич. – Что-то я действительно сегодня совсем квелый. Вколоть, что ли, стимуляторов?

– Побереги аптечку, – посоветовал Даго. – Все равно еще вакцинацию проходить – заодно и стимуляторов вкатят на халяву.

– Устали уже в некомплекте работать, – пожаловался Смит Зунгу. – Когда нам пополнение будет? Вы знаете?

– Сейчас, – ответил тот.

Вертолеты сели неподалеку от Верховной Рады и Мариинского дворца, на стадионе завода «Арсенал». Остатки трибун здесь снесли, деревья вокруг повыврубили и возвели пятиметровой высоты периметр из сетчатых секций. Едва мы попрыгали наружу, Смит выхватил пистолет, почти не целясь пальнул в небо, и чуть в стороне от нас на землю свалилось похожее на археоптерикса существо. Только здоровенное. Этакое чудо в перьях с клыкастым клювом. Оно захрипело, забило крыльями, кося на нас выпученным глазом, и Смит угостил его еще одной пулей. Ай да американец! Нет, ошибся я – не слишком он засиделся в отделе. А на аэродроме, может, бежал медленно потому, что знал: вертолет все равно без него не улетит.

Сверху послышались еще выстрелы, и рядом с первым птицером рухнул второй – побольше, смахивающий на летучую мышь. Но тоже в перьях. Размах крыльев – метров пять.

– Первый охотился на нас, а второй – за первым, – равнодушно пояснил Смит. – Ну а на второго охотился беспилотник... Госпиталь там, – Он указал на ряды больших палаток в конце бывшего футбольного поля. – Оттуда – сразу ко мне. Вон в ту палатку. Отдельно стоит – видите?

И сразу же сам направился в ту сторону, не став попрекать нас за рассеянность при посадке. Возможно, удовольствовался тем, что всем нам утер нос. Чтоб не зазнавались перед начальством. Или принял во внимание наше недавнее возвращение из тяжелейшей дальней разведки по одному из самых опасных миров. Хотя Гридин наверняка вкатит нам по выговору. И себе тоже.

– Ладно, выговоров не будет, – смиловился Гридин, уже много лет безошибочно читавший наши мысли. Хороший он все-таки командир. Понимающий. Да и себя ему пожалеть не грех.

Пашич неприязненно посмотрел на Даго:

– Лучше бы я всю аптечку истратил, чем так опозориться.

– Сам виноват, – сказал я. – Жажда халявы – жуть какой архаичный инстинкт. А ты ему поддался.

Мы думали, вакцинация необходима лишь как стандартная процедура, раз о мутагене ничего не известно. Однако в наши организмы вкатили столько всего и прочли такую лекцию, что формальностью здесь и не пахло. В проблемной зоне мутировали не только люди, животные и насекомые. Микробы тоже. И раз ученые успели столько снадобий против них настрогать, так значит, возбудитель мутаций им хорошо известен.

– Если кто-то почувствует слабость, недомогание, или не дай бог галлюцинации начнутся – запрашивайте немедленную эвакуацию, – заключил старший врач. – Самостоятельно ничего не предпринимайте. Вы приписаны к госпиталю на «Арсенале», а если нам придется сменить место, вас уведомят заранее.

Мы попрощались и вышли из палатки-ординаторской в испорченном настроении.

– Смит знает куда больше, чем говорит, – сделал очевидный вывод Зунг.

– Да здесь наверняка любой знает немногим меньше его и гораздо больше нас, – сказал Пашич.

– Давайте наедем на медиков, – предложил Даго.

– Скажут они тебе, – возразил Артем. – С них стопроцентно взяли подписки пострашнее наших.

– Тогда давайте наедем на Смита.

– Го-го-го!

– Какого хрена он вообще врал? – вышла из себя Даша. – Зунг его сразу спросил о причинах мутаций. Ну и сказал бы по-человечески – не могу, мол, раскрывать.

– Успокойся, Дашутка, – сказал я. – Ты попросту отвыкла от общения с вышестоящими. Как и все мы. Потому что редко пересекаемся – просто по роду деятельности. Команда у нас

хорошая и командир наш личный друг. А парни вроде Смита таких как мы и за людей-то не считают. И не считают нужным что-то объяснять, если, по их мнению, объяснения излишни. И в нашем мире это норма. И всегда было нормой.

Даша посмотрела на меня исподлобья, но спорить не стала, только пнула по ботинку.

– Достал ты меня, – сказала она. – Надо тебя скормить. Крысакам, жабощерам или еще кому-нибудь.

Наш спецназ тоже проходил вакцинацию – группы по очереди входили в палатки, задерживались там на несколько минут и появлялись снаружи, чтоб сразу нырнуть в другие палатки. Команда веселого задиристого Грицай шла первой, молчаливого Иванова – второй. Холодный профи Джек Райли со своими людьми плелся в конце, очевидно решив, что спешить некуда. Он до того расчетлив, что иногда кажется роботом.

– Давайте отойдем, мы же вход в ординаторскую загораживаем, – сказал Зунг.

– Правильно, – поддержал его Артем. – А то сейчас Грицай на лекцию припрется, и нас растопчет.

Мы отступили в сторону, а на том месте, где только что стояли, вздыбилась земля. Над ее поверхностью показалась чья-то массивная голова, вся в буграх и наростах. На сей раз мы не растерялись, выстрелили разом – кто из пистолетов, кто из автоматов, и кротовник со стоном и бульканьем осел обратно в свою нору, бессильно разинув пасть. Из палаток рядом повыскакивали врачи и санитары.

– Куда георазведка смотрит?! – возмущенно воскликнул один из них.

К норе подбежал крепкий бородатый мужик и осторожно над ней наклонился.

– Куда надо, туда и смотрит, – сказал он, оценив картину.

– Вот мы и видим! Порнуху вы там смотрите, вместо того, чтоб за обстановкой следить! Если эти твари тут ходов понароют, они же нам ноги пооткусывают!

От мертвого кротовника невыносимо смердело. Мужик поднес к лицу руку, словно собирався зажать нос, но вместо этого выгнул запястье и сказал в браслет: «Макар, Жак, поднимайте народ. Общий шухер». Через минуту поперек периметра выстроились люди с георадами.

– Почему нас сунули именно сюда? – спросил один медик другого. – Рядом стадион «Динамо».

– Там все еще слишком опасно.

– А здесь безопасно? Да здесь...

– Опять детализация не работает, – сообщил нам по связи Грицай. – Что у вас происходит? Воняет на весь стадион! Кого вы там замочили?

– Мутировавшего бойца подземного спецназа Украины, – ответил Артем.

Грицай забулькал, как до него кротовник, и отключился. Это было на него не похоже – в карман за словом он никогда не лез, – и я проверил связь. Ну так и есть – пропала. Снова системный сбой.

Мы пошли в палатку Смита – его там не оказалось. Он появился только через минуту, и не один. С ним была симпатичная черноволосая девочка лет десяти или двенадцати – в камуфляже и с рюкзаком за спиной. Отнюдь не школьным. Нормальный штатный рюкзак для спецподразделений, только в сильно уменьшенном варианте. На шее у малышки висела штурмовая винтовка с подствольным гранатометом, и детка удобно сложила на ней ручки.

– Ваше пополнение, – сказал Смит, кивнув на свою спутницу.

Мы молча уставились на девочку. Она встретила наши взгляды без малейшего смущения. И сразу стало ясно, что никакая это не девочка, – ее выдавали глаза. Глаза человека, все в жизни повидавшего и давно отвыкшего бояться. Не тем страхом, что мобилизует силы и спасает жизнь в экстренных ситуациях, а другим – повседневным страхом человеческих сообществ, рабским, подленьким, изматывающим, годным только для формирования хронических неврозов.

– Хорошая у тебя винтовка, – сказала Даша, удивленно подняв брови.

Винтовку малышки я тоже опознал сразу – таких в распоряжении ОСП было всего тридцать шесть штук. И четыре из них принесли на Землю мы, когда вернулись из странствий по связанным мирам в компании физика-теоретика Бориса Эпштейна и деревенской алкоголички Машки Ситуации. Конечно, у нас давно научились делать подобные винтовки, но эту выдавало клеймо с перекрещенными мечами – эмблема исчезнувшей сверхдержавы Рорикон. И приклад был немного другой из-за размещенных в нем элементов системы поглощения отдачи. В земных винтовках от ее полного повторения отказались из-за дороговизны и сложностей в производстве.

– Меня зовут Крошка, – сказала «девочка». – Как вы уже догадались, моя внешность обманчива. На самом деле мне двадцать шесть.

– Больше никого дать не можем, людей не хватает, – сказал Смит. – Но Крошка одна стоит четверых. С ней сбор разведанных у вас сразу выйдет на новый уровень.

– Можно узнать, каким образом? – спросил Гридин. В его голосе не было и тени пренебрежения или насмешки.

– Она либер, – пояснил Смит. – Хотя сама скромничает и грубо обзывает себя недолибером. Но уверяю, вы вряд ли почувствуете разницу.

Сообщение американца вызвало у нас повторный всплеск интереса к новому члену команды. Слухи о том, что на ОСП работает либер, ходили давно, однако все считали, что это рекламный трюк «Противодействия», призванный привлечь к сотрудничеству либеров. Которые, вообще-то, категорически отказывались сотрудничать с властными структурами любых уровней.

На недолиберов, что бы это ни значило, правило, очевидно, не распространялось. Или Крошка была исключением из него.

– Она вам поможет в работе, – продолжал Смит. – А вы обязаны обеспечить ей безопасность. Либеры не в состоянии одновременно следить за обстановкой и прощупывать окружающее. Особенно если приходится делать это глубоко.

– Что ж, выбирайте двойку себе по вкусу, – сказал Гридин. – Так будет лучше.

– Чтоб у семи нянек дитя без глаза не осталось, – пояснил Артем.

Мы расхохотались – ну да, с командиром нас как раз семеро. Гридин посмотрел на нас неодобрительно и выставил вперед руку с вытянутым указательным пальцем.

– Пальчик-тест, – сказал он. – Смеяться будем?

Мы заржали пуще прежнего.

– Не прошли, – констатировал Гридин.

– Ты средний покажи, – предложил Пашич. – Со средним пройдем.

– А передача не предусмотрена, – ответил Гридин и обратился к Крошке: – Ладно, выбирайте двойку. Если не пропала охота с нами дело иметь.

– Можно на ты, – улыбнулась она и подошла к нам с Дашей. Угадала безошибочно. Или ей Смит наши полные досье давал читать?.. В разведгруппе мы единственные в прошлом имели в друзьях либера. И тоже женщину.

Я вспомнил Ингу, наш поход по трем мирам, тогда еще чисто любительский, остальных наших... На Землю кроме нас с Дашей вернулись только Машка и Эпштейн. Лысый остался на Сангароа. Инга тоже, но она собиралась вернуться оттуда на Рорбести. Остальные погибли...

– На улице Грушевского формируется бронеколонна четвертого инженерно-строительного батальона восьмой технической бригады, – прервал мои воспоминания Смит. – Идете с ней. Ваша текущая задача – зачистка будущей зоны отчуждения вокруг хоула и обеспечение прикрытия строителей на первом этапе расчистных и строительно-монтажных работ. Киевский хоул предполагается блокировать наглухо: над ним возведут бетонный саркофаг. Но фактически, вы сами готовите себе плацдарм, с которого пойдете на ту сторону и на который смо-

жете отойти в случае трудностей. Со мной держите постоянную связь, однако мое участие в операции будет чисто консультативным. Стоит ли напоминать, что передача любой информации, попадающей в категорию «разведданные», должна осуществляться по конфиденциальному каналу даже между членами группы? Думаю, не стоит. Решение о переходе на ту сторону принимаете самостоятельно. Это все. Желаю удачи.

Смит осчастливил нас патентованной штатовской улыбкой, мы попрощались, вышли и остановились неподалеку, возле окружающего периметр сетчатого забора. За ним, между сваленных деревьев, которые не успели распилить и вывести, торчали толстые серые штыри высотой в рост человека.

– Молодая поросль? – задалась вопросом Даша. – А потом из них получится что? Пальмы?

Я сверился с базами известных мутаций и сказал:

– Ничего из них не получится – уже все получилось. Это грибы. Кстати, их даже можно есть. Хоть сейчас руби, ошкуривай и в суп.

Гридин связался с кем-то – ему сообщили, что наши вездеходы стоят у ворот, и спецназ уже там.

– Какие машины дали? – поинтересовался Пашич.

– Боевого для нас ничего не нашлось, – ответил Гридин. – Поэтому выделили экспедиционные «Первопроходцы», новые. Таких ты еще не видел. Из оружия там – спаренный крупнокалиберный пулемет с боекомплектом в четыре тысячи патронов. Гранатометов нет, пушки тоже.

– Кисло. Лучше бы «Сталкеров» дали.

– Зато у этих салон удобный, в них реально жить можно. А «Сталкеры» твои в плане комфорта – гробы на гусеничном ходу. Денек покатался по пересеченной местности – и к вечеру тебя можно хоронить.

– Смотрите! – сказал Зунг, указывая в сторону дома метрах в двухстах за периметром.

Оттуда к стадиону пробирался потрошитель. Увидев нас, он плотоядно заурчал, рванул вперед огромными скачками, а подбежав поближе, прыгнул с явным намерением перемахнуть забор. Конечно, у него не вышло, но попытка была хорошей: он сиганул вверх метра на три с половиной и повис на сетке. Его шарахнуло током, но он не упал – когти застряли. Мутанта трясло, он рычал, от него летели искры, а под конец пошел дым. Даша достала пистолет и выстрелила пять раз подряд. Потрошитель отвалился от забора и рухнул вниз, прекратив бесполезный расход электроэнергии.

– «Желаю удачи», – передразнила Даша Смита, пряча пистолет в кобуру. – Сам-то тут останется сидеть.

– Будем надеяться, что георазведка даст маху и какой-нибудь кротовник проберется прямо в его палатку, – сказал я. – Если не съест, так хоть нервы попортит.

Глава 3

Колонна четвертого инженерно-строительного батальона растянулась по улице Грушевского от поворота на Московскую улицу, куда загибался ее хвост, до Дома офицеров. То есть до того, что от него осталось. Теперь на руинах здания два пожирателя закусьвали зазевавшимся омегой. Они так увлеклись этим занятием, что не обращали никого внимания на суету и гул двигателей по соседству. Камеры круживших в небе беспилотников передавали нам картину пиршества во всех подробностях.

– Вот погань, – услышали мы по связи голос комбата. – Эй, Лисовски! А ну-каними их обоих.

Точно почуяв, что трапезу сейчас прервут, один из пожирателей оторвался от добычи, повернул окровавленную морду в сторону колонны, и пуля прилетела прямо в нее. Мутант вскинулся вверх, взмахнул похожими на лапы руками и шмякнулся на обглоданный труп омеги. Второй пожиратель вскочил, угрожающе наклонился вперед, оскалился, схлопотал свою пулю и упал на первого.

Наши вездеходы меж тем успели занять свое место в самом начале длинной железной колбасы.

– Тронулись, что ли, – сказал комбат.

«Колбаса» с лязгом пришла в движение, начиная с головы.

– Надо было нас по колонне через равные промежутки раскидать, – буркнул Грицай.

– Тебя забыли спросить, – тут же отозвался Артем.

– А вот и забыли! Не тебя же спрашивать?..

– Общий канал не забивайте, – одернул их Гридин. – Своего уже мало?

Колонна не спеша двигалась в сторону Верховной Рады. Впереди шел тяжелый армейский путеукладчик, оснащенный бульдозерным и крановым оборудованием, способный расчищать дороги в самых гиблых завалах со средней скоростью десять километров в час. Пока ему работы находилось немного: он разве что убрал пару упавших на проезжую часть деревьев Мариинского парка и засыпал попавшим в отвал мусором несколько мелких воронок.

Я рассматривал те деревья, что устояли. Они потеряли все листья, почернели и вздулись уродливыми шишками от оснований стволов до кончиков веток, но, похоже, отлично себя чувствовали. Согласно базам данных, некоторые вымахали вдвое, а то и втрое против своего первоначального роста.

– Где-то я такое уже видел, – сказал я.

– Не-ет, Сереж, – возразила Даша. – Где мы такое видеть могли?

– Я не говорю – такое же точно. Похожее.

Что-то еще было не так с этим парком – мне пришлось запросить вид с беспилотника сверху и сбоку, чтобы понять. Ну да – штыревидные грибы. Гигантские. Они возвышались над кронами деревьев, словно телеграфные столбы над полынью.

– Не туда нас на зачистку послали, – посетовал Грицай, когда позади остались и Рада с Мариинским дворцом, и здание Кабинета министров. – Вот где бы я с удовольствием пострелял, так это у Рады. Там, поди, до сих пор бегают наши мутировавшие депутаты и их прямые потомки.

– Мы слышим голос лояльного гражданина собственной страны, – провозгласил Артем.

– Ой, а ваши думки – они лучше, что ли?

– Да как тебе сказать. У нас многие с удовольствием зачистили бы всю Москву, не дожидаясь появления там хоула и начала мутаций.

– Это точно, – счел нужным подтвердить обычно скупой на слова Иванов.

– Что касается меня, то я с удовольствием поучаствовал бы в зачистке Вашингтона, – поделился Райли, тем самым показывая, что у него тоже есть человеческие чувства.

– Короче, все мы очень любим наши правительства, – заключил Грицай. – Особенно я. Дезертировать, что ли, от вас в сторону Рады?

– Депутатов и кабмин успели эвакуировать, – сообщил кто-то из системных операторов, дружески напоминая нам, что разговоры на всех каналах прослушиваются и надо следить за базаром.

– Ну вот, как всегда, – вздохнул Грицай, проигнорировав этот призыв к здравому смыслу. – Кого стоило еще в детстве убить – тех успели.

Анонимный оператор оставил его выпад без ответа.

– А сколько вообще людей вывезли? – спросил Пашич, вроде бы ни к кому не обращаясь. – Кто-нибудь знает?

Оператор вновь скромно промолчал.

– Сразу – четыреста тысяч, – уверенно сказала Крошка. Очевидно, она была полностью в курсе. – Еще столько же спаслось самостоятельно – до того, как город окружили кордонами. И сразу после, опрокидывая эти кордоны. Здесь тогда только украинская армия проблемы решала. Она к такому оказалась не подготовлена – да и никто не был подготовлен к тому, что произошло. В результате половина состава участвовавших в операции подразделений пополнила ряды мутантов.

– Весело, – протянул Пашич.

– Потом эвакуировали еще двести тысяч гражданских, – добавила Крошка. – И около ста тысяч продолжает сидеть по анклавам. Сколько из них дотянет до эвакуации – неизвестно.

– То есть спасен, спасся сам или будет спасен только каждый третий житель.

– Да. И это при том, что группировка ОСП вокруг Киева и в нем самом уже неделю назад насчитывала полмиллиона.

– Пожалуй, для Объединенных сил это предел. Вряд ли «Противодействию» удастся стянуть на Украину больше, не оголяя других проблемных зон.

– Может, и выхода другого не будет. Периферия местной «проблемки» уже расползлась почти на всю Киевскую область, половину районов Черниговской и Житомирской областей и приличный кусок Беларуси. Конечно, на окраинах лишь отдельные мутанты замечены, но если они проникнут в Европу и Россию, это будет конец. Борьба с ними станет невозможно.

Путепрокладчик впереди умело и деловито распахивал к обочинам брошенные машины. На подходе к Европейской площади по связи сыграли тревогу.

– Внимание! – услышали мы. – Говорит координатор ОСП в черте города. Наблюдается массовая миграция крысаков на территории Шевченковского района. Основной поток мутантов движется по Трехсвятительской улице в сторону Европейской площади. Особое внимание четвертому инженерно-строительному батальону и сопровождающим его группам! Вы как раз в нужном месте. Нельзя допустить, чтобы крысаки прорвались через площадь на Грушевского в сторону «Арсенала» или свернули на Крещатик и пошли к Бессарабскому рынку. И там и там наши базы и госпитали. И там и там дальше анклавы с гражданскими. Патронов не жалеть – транспорт с боеприпасами к вам отправят немедленно. Сверху вас поддержат беспилотники – сколько успеем стянуть.

– А я вот думаю, что мы как раз *не* в нужном месте, – пробормотал Пашич. – Разве дело скаутов – миграции останавливать? Как это у нас получается постоянно вляпываться в какое-нибудь дерьмо?

– Где ты в последнее время видел людей, которые занимаются только своим делом и никуда не вляпываются? – поинтересовался Артем. – Вспомнишь – скажи. Я моментом уйду к ним.

Путепрокладчик впереди агрессивно заворочал пулеметом, перевел отвал в двустороннее положение и с неожиданной для такой машины резвостью свернул в сторону Крещатика, расшвыривая в стороны попадавшие на пути легковушки. Наши вездеходы двинули прямо. Колонна позади тоже ускорила: машины разграждения, бронетранспортеры, и остальное, что там ехало, рассредотачивалось по площади, занимая позиции для стрельбы.

– На Европейской строимся в три эшелона! – командовал комбат. – Вторая рота – полностью на Крещатик! Замыкающие остаются на Грушевского!

– Владимирский спуск тоже заткни чем-нибудь на всякий случай, – посоветовал ему Гридин.

– Заткнешь тут все...

– Внимание, системщики! – снова подал голос координатор. – Если у вас сейчас опять сбой будет – без разницы с чем и почему...

Он не договорил. Но и так было понятно, что в случае сбоя ничего хорошего системных операторов не ждет.

Не знаю, о чем думали другие, а у меня перед глазами, пока мы готовились, навязчиво всплывала одна и та же картина: крысы-мутанты, каждая из которых с матерого бульдога, врываются в окруженные баррикадами кварталы. Половина защитников анклавов – женщины и подростки. От них даже трупов не останется. Периметры «Арсенала» и Бессарабки тоже вряд ли устоят против нашествия. На базах ОСП обстановка лучше только тем, что там много хорошо вооруженных и подготовленных людей.

Наши вездеходы и три машины огневой поддержки перекрыли выезд с Трехсвятительской. Соседи по эшелону у нас оказались что надо – «Терминаторы» последней модификации, вооруженные спаренными тридцатимиллиметровыми пушками, гранатометами и управляемыми ракетами. Над площадью завис большой квадрокоптер связи: системщики по достоинству оценили персональное предупреждение координатора и решили перестраховаться. По Трехсвятительской во всю ее ширину катилась визжащая серая волна. Только в пределах прямой видимости крысаков там были тысячи, а может, десятки тысяч. Впереди в панике мчались баскеры, крюгеры, гутангеры, пожиратели – живая волна догоняла их одного за другим и легко топила под собой.

– Первый эшелон – огонь! – командовал комбат.

Крупнокалиберные пулеметы «Первопроходцев» и скорострельные пушки «Терминаторов» ударили одновременно. На фоне их свирепого рева наша стрельба из автоматов сквозь бойницы показалась жалкой и ненужной. Но только на первый взгляд – против несущейся на нас хищной массы ни одна выпущенная пуля не была лишней. В горле Трехсвятительской кипел кровавый фейерверк из разлетающихся на куски и брызги тел, а сквозь него и огневой шквал рвались на площадь уцелевшие твари. Некоторые уже огибали наши машины, другие прыгали через них, и вскоре стало казаться, что вездеходы и «Терминаторы» плывут против течения в бурном сером потоке. Сзади открыл огонь второй эшелон, за ним – третий. И это было кстати, потому что у нашего первого вышел весь боезапас. Только «Терминаторы» еще скупо огрызались последними выстрелами из гранатометов, да запускали ракеты куда-то дальше по улице. Вовсю палили с Крещатика и Владимирского спуска. Сверху тоже стреляли, – но как-то жидко и неохотно. Но вот наконец на помощь ко всякой летающей мелочи подоспели большие ударные беспилотники, и Трехсвятительская вздыбилась взрывами по всей длине.

– Го-о-отово! – довольно протянул комбат. – Не прошли, суки!

– Что – никого не пропустили? – недоверчиво спросил Гридин.

– Куда там – никого! Только мимо нас по Грушевского несколько сотен проскочило. Может – тысяч. Кто их считал. Но главное-то сделано.

– У нас – такая же фигня, – сообщили с Крещатика.

– А мимо нас действительно никто не прошел, – похвалились с Владимирского, но тут же смущенно поправились: – Правда, они в нашу сторону и не сворачивали. Перли в основном на Грушевского и в Крещатый парк.

– Отлично, отлично сработали, – похвалил всех оптом координатор. – С такими строителями и боевых частей не надо. Все, спасибо, а теперь стойте и ждете, пока боеприпасы подвезут.

– Сразу по прибытии транспорта к выполнению основной задачи не приступать, – раздался голос Смита. – С места не двигаться. Крошка, с тобой ксенобиологи хотят поговорить. Особенно Квашнин.

На общем канале начались оживленные переговоры на английском, испанском и немецком, а потом кто-то спросил по-русски:

– Крошка, ты ведь там?

– Ну да, и как вы догадались? – улыбнулась она. – Здравствуйте, Михаил Ильич.

– Здравствуй, милая! Будь добра, пройдишь по местности. Хотя бы коротко, поверхностно. Нас сильно интересует эта миграция. Такой большой еще не было.

– Задним числом что-то прощупать очень и очень трудно. Но я попробую. Что конкретно вы хотите выяснить?

– Все, – скромно признался ученый. – Мы внимательнейшим образом выслушаем все, что ты нам скажешь.

Вскоре подвезли боеприпасы. Спецназ встал в оцепление. Строители слажено взялись за разгрузку, растаскивали ящики по машинам, сбрасывали дохлых крысаков с брони, добивали раненых. Мы вылезли из вездехода – снаружи жутко и тяжело пахло бойней. Крошка медленно, будто во сне, побрела по площади, часто останавливаясь; сделала круг, другой, и направилась на Трехсвятительскую. Она шла чуть пошатываясь, почти закрыв глаза. Мы с Дашей неотступно следовали за ней, держась по обеим сторонам. Гридин прикрывал наш тыл; Даго и Пашич шли впереди метрах в десяти друг от друга; Артем и Зунг следовали таким же порядком сзади.

Там и сям на асфальте копошились и порывались встать издыхающие, но все еще опасные твари. Мы обходили их, не желая стрелять у Крошки над ухом. Даша то и дело осторожно подталкивала ее то в одну, то в другую сторону, внимательно следя, чтобы девушка не поставила ногу прямо в чью-нибудь оскаленную пасть. Я мимоходом разглядывал более-менее целые трупы – от двадцати до сорока килограммов сплошных мускулов. Голая серая кожа. Зубы больше всего напоминали акульки.

Машины на стоянке перед Украинским домом изувечило обстрелом до неузнаваемости – некоторые перевернуло на крышу и снесло в сторону. Трехсвятительская была сплошь залита кровью и завалена нашпигованным пулями и осколками мясом. Крошка шла по этому месиву, не обращая ни на что внимания, спотыкаясь и оскальзываясь. Даша ухватила ее за шиворот и вела словно на поводке, оттаскивая от оставшихся после бомбежки воронок.

Мы брели зигзагом от одного края улицы к другому, как не в меру поддавшая компания. Со всех сторон доносился голодный вой мутантов, почуявших запах избыточной еды и стягивавшихся теперь со всей округи к Европейской площади. Кое-где на растерзанные тела уже опускались первые птицеры. Ребята поглядывали на нас – не пора ли заканчивать с прогулками? Оно понятно, целым батальоном и с только что обновленным боекомплектом мы от кого хочешь отобьемся – да стоят ли интересы ученых таких трудов? Словно почувствовав наше беспокойство, а может, и почувствовав, Крошка остановилась, широко распахнула глаза, несколько раз глубоко вздохнула и огляделась вокруг, будто не понимая, с какого перепуга оказалась в столь неприятном месте. Передернулась от отвращения. Грустно посмотрела на свои измазанные кровью ботинки, потом на Дашу, потом на меня.

– Об-божаю общественно-полезные нагрузки, – сказала она. – Особенно такие. Квашнин будет у меня в большом долгу за это. И Смит тоже.

– Мы все тому свидетели, – подтвердил я. – Предъяви им счет посерьезнее.

Выглядела девушка до предела утомленной, как если бы ее заставили прошагать километров пятьдесят. Мы повернули и пошли обратно. Крошка на ходу неспешно и обстоятельно излагала Квашнину свое мнение о крысаках, миграциях, а также ксенобиологах. Квашнин задавал уточняющие вопросы по первым двум темам, а под конец спросил, нельзя ли сделать еще один заход.

– Не-е-ет! – взвыла Крошка, на секунду потеряв самоконтроль. – Я больше туда не пойду!..

– Она устала, – твердо сказал Гридин ученому. – И вообще-то она с нами работает, а не с вами.

Мы забрались в вездеход, расселись по местам, и дожидавшаяся только нас колонна тронулась по Крещатику. Даго прибавил освещения, достал Библию и уткнулся в нее. Зунг перекачивал в руке массажные шарики. Крошка устало привалилась к Даше. Та ласково обняла ее за плечи.

– Если хочешь, забери у меня кусочек энергии, – сказала она.

– Неужели ты веришь в такие глупости? – удивилась Крошка.

– Не верю. Но с удовольствием бы тебе помогла.

– Подпитка извне для нас невозможна. Мы пользуемся только своей энергией, а не чужой. Но все равно спасибо. И да, ты уже помогаешь.

Сразу за Майданом Незалежности по правой стороне Крещатика началась зона сплошных руин – чуть дальше все разрушил рождающийся хоул, а его окрестности разбомбили ВВС ОСП, тщетно пытаясь подавить главный очаг мутагенеза.

– Здесь все погибли, – пробормотала постепенно приходящая в себя Крошка. – Тысячи людей. Которые были еще людьми, а не пожирателями.

– Насколько понимаю, их не получилось бы спасти, – сказал Зунг.

– Скорее всего. Только дело в том, что их никто и не собирался спасать. Боссам «Противодействия» плевать на всех, кроме себя. Они просто хотели решить проблему одним махом. А генералы «оспы» озабочены лишь тем, чтобы выполнять свои задачи и оставаться в милости у хозяев.

Мы молча переглянулись. Обзывать ОСП «оспой» среди сотрудников и военнослужащих Объединенных сил считалось моветоном, хотя нас давно называли так все остальные. И, что хуже всего, они имели для этого основания. Однако...

Да, решая проблемы человечества, связанные с интеграцией миров, ОСП сплошь и рядом создавали тому же человечеству еще больше проблем, зачастую на пустом месте. Да, международная координационная группа «Противодействие» в первую очередь заботилась о сохранении власти и влияния старой мировой элиты, из которой сама и состояла. И все же, несмотря на мое личное глубокое отвращение к этой шайке мировых кровососов, я не мог не признать, что с «Противодействием» цивилизации лучше, чем могло быть без него. Собственно, без него уже и не было бы никакой цивилизации.

Остальные тоже сознавали это. И внутри ОСП, и вне. Люди работали на «Противодействие», отказывались работать, ненавидели его, боролись с ним, – но понимали, что провались завтра эта контора в тартарары, придется создать другую такую же. На том и держались Объединенные силы.

Может, отдельные страны и устояли бы сами по себе. Но существовали бы в виде анклавов в океане хаоса и разрухи, как сейчас существуют анклавы с гражданскими в Киеве. Однако из них людей худо-бедно эвакуируют, – а куда эвакуируется целая страна? Кто и где нас ждал в связанных мирах?..

Но никто не захотел сделать Крошке замечание за грубое нарушение одного из неписаных правил корпоративной этики. Катилась бы она ко всем дьяволам... Этика, не Крошка.

Видно, на шестой год службы мы стали уставать. От того, что видели. От того, что слышали. От мыслей о том, что нам еще предстоит увидеть и услышать, – а мы точно знали, что придется.

Глава 4

Доехав до места, где угадывалась Прорезная улица, колонна свернула на нее. До самого хоула предстояло чистить дорогу, на которой свободно разъехались бы два грузовика, а так как препятствий стало гораздо больше, к путепрокладчику впереди присоединились еще две машины разграждения. Хоул находился прямо по курсу, на бывшей улице Ивана Франко, и мы рассчитывали добраться к цели быстро. Да, здесь множество завалов, но дома-то были в основном малоэтажные, стояли свободно. Все-таки Шевченковский район – не Манхеттен.

Мы и спецназовцы вылезли из машин и растянулись цепью поперек маршрута. Группа Иванова встала слева от нас; группы Грицай и Райли – по другую сторону Прорезной. Мы с Дашей держались рядом, охраняя Крошку, которая с улыбкой пообещала нам не уходить в себя слишком глубоко. В ее задачу входило обнаружение артефактов из другого мира, по которым можно было бы сделать предварительные заключения, каков этот мир. Бушевавший при рождении хоула межпространственный смерч мог забросить что-то легкое даже туда, где мы сейчас находились. Ближе к хоулу всякое разное «что-то» валялось наверняка. Однако ничего чужого здесь пока не нашли и отсюда не вывезли из-за проблем с беспилотниками, а на разведку «живую» мы вышли первыми.

Кое-где руины поросли чем-то похожим на кедровый стланник, только был он черен и выглядел неприветливо. Вместо шишек на нем висели бугристые шары величиной с кокосовые орехи. Зазубренные гибкие иглы типа хвойных имели утолщение там, где крепились к веткам, – наверно, семена. Местами сквозь груды мусора пробивались уже знакомые грибы-штыри. Я вытащил нож и провел кончиком лезвия по одному из них – поверхность оказалась твердой, как сухой бамбук. Поваленные взрывами деревья не погибли, а продолжали расти в горизонтальном положении, превращая ветки в корни и пуская вверх голые прямые побеги. А еще здесь было много серого мха, сухого и колючего. Он рос прямо на асфальте тротуаров, захватывал даже участки уличной брусчатки, и попробовав ботинком, я убедился, что он держится на ней крепко. Казалось, что чем жестче поверхность, тем больше она ему нравится.

Я опять подумал, что уже видел когда-то нечто похожее, – но где? За пять лет работы скаутами мы с Дашей побывали в двадцати четырех мирах. Постоянно приходилось изучать материалы по другим, из которых были хоулы на Землю, и смотреть компьютерные фильмы-реконструкции по рассказам возвращенцев с тех планет, откуда хоулов пока не было, но могли появиться. Попробуй сразу вспомни. Да и обстановка не располагала к ковыряниям в памяти.

Согласно вводной, зачистка местности сводилась к следующему: иди вперед и дожидайся, пока мутанты сами на тебя набросятся. Развалины домов проверяй, но в подвалы не спускайся: только ищи места, где что-то может вылезти оттуда через сохранившиеся входы в них и проломы в перекрытиях, – обнаруженные дыры строители потом бетоном залыют. Главный смысл зачистки не в уничтожении всех мутантов до единого на пути следования, а в выявлении свежих гибридов, о которых пока не знают беспилотники, – следовательно, не могут и охотиться на них. А вот когда ты убьешь кого новенького – операторы наведут машины на мысль, что неплохо бы найти других таких же и сделать то же самое. Ну а если кого живьем добудешь ученым для исследования – честь тебе, хвала и соответствующая отметка в досье.

Мы осторожно продвигались вперед, зондируя георадарами подземное пространство прямо перед собой. Периодически останавливались, брали пробы воздуха и почвы, проводили экспресс-анализы и тут же передавали результаты Смигу и в Центр общего контроля обстановки. Пять лет назад на забор проб уходила четверть часа, а полевая мини-лаборатория занимала половину рюкзака. Десять минут требовалось только на то, чтобы ее оттуда достать, развернуть, настроить, а по завершении процедур свернуть и сунуть обратно. Однако с тех пор

наше оборудование сильно улучшили и облегчили, и теперь каждый мог таскать лабораторию на ремне рядом с аптечкой и фляжкой. Снял, открыл, включил – и сделал все за минуту...

Позади грохотали путепрокладчики, расчищавшие основной проезд и боковые ответвления от него. Колонна расплзлась в стороны, охватывая полумесяцем территорию будущего четвертого сектора зоны отчуждения вокруг хоула. Отвратно воняло из взломанной бомбежками канализации. Со стороны Трехсвятительской то и дело доносились выстрелы.

– Мы такую приманку там оставили, что здесь никого не дождемся, – вздохнул Грицай. – Все твари отсюда сбежались крысаками обедать. Известных мутантов бэплы¹ перебьют, а неизвестные нажрут под завязку и залягут спать по подвалам.

– Вот и замечательно, – сказал практичный Райли. – Не случись этой миграции, ее стоило бы организовать.

– За каждую новую разновидность премия полагается, – желчно возразил ему Грицай.

– Там премия-то, – презрительно буркнул Иванов. – Патроны дороже стоят.

– Ну не скажи. Да и вообще – цент доллар бережет.

– Дождешься ты своих мутантов, – успокоил Грицай комбат, следивший за нашим продвижением. – Отсюда они на Трехсвятительскую ушли, – а сюда сейчас их соседи подтянутся.

Идущий на правом фланге нашей группы Пашич дал короткую очередь.

– Мышак, – сказал он. – Типичный. Премии не будет.

Еще через несколько минут один из ребят Райли подстрелил гутангера – тоже типичного. Следом я убил крысака-одиночку.

– Здоровый какой, – заметила Даша. – И где так отъедаются? Ведь все трупы здесь они уже наверняка нашли и сожрали.

– В сточной, – сказал Гридин. – Человеческое дерьмо очень питательно.

– Вон там у крысаков большое гнездо, – предупредила Крошка, указывая вперед и влево.

– Зунг, Артем, сделайте, – приказал Гридин.

Ребята выдвинулись к остову разрушенного почти до фундамента дома, нашли дыру в подвал и накидали туда ручных гранат. Сзади тоже бабахали взрывы – саперы уничтожали остатки зданий и обваливали отдельные устоявшие стены.

– «Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено», – процитировал Даго.

– Это из Библии? – спросил я.

– Да. Евангелие от Матфея, глава двадцать четвертая, стих второй.

Одному из ребят Иванова стало дурно, и он потерял сознание. Двое других подхватили его и потащили назад. Комбат немедленно вызвал вертолет с «Арсенала». Пока тот оттуда летел, грохнулся в обморок командир саперов. Обоих пострадавших эвакуировали. Мутаген их свалил или гиперинфекции – осталось неизвестным.

– Вот и первые потери, – буркнул Гридин. – И скольких еще потеряем.

– Кто-то вернется в строй, – сказал комбат. – По статистике, в первую же неделю оклемаются процентов тридцать. Я здесь почти с самого начала, могу подтвердить.

– Ты-то можешь не беспокоиться. А мы если хотя бы двоих лишимся еще здесь, это будет сокращение личного состава разведгруппы на четверть. И чем меньше нас останется, тем тяжелее будет на той стороне. Ничуть не лучше сидеть тут и ждать возвращения выбывших неделю, – вдруг они не успеют оклематься. Да и за это время еще кто-то может выбыть.

Мы продолжали движение, отстреливая редких мутантов. Больше всего фартило Иванову. Предсказание комбата сбылось: твари с соседних улиц поодиночке и мелкими стаями шли в сторону Трехсвятительской на запах дохлых крысаков, а группа Иванова попадалась им

---

¹ От БПЛА – беспилотный летательный аппарат.

на пути первой. Мутантами, пробиравшимися позади нашей цепи, занимались строители – им приходилось работать и стрелять попеременно.

В полукилометре от хоула Крошка остановилась возле ничем не примечательного автомобильного колеса и уселась перед ним на корточках.

– Это не из нашего мира, – сказала она.

– Ты уверена? – спросила Даша.

– Да.

Гридин сообщил новость Смиуту и запросил еще один вертолет на предмет немедленной отправки трофея куда следует. Согласно теории Скопина, находка ничего не значила: колесо как таковое относилось к тем изобретениям разума, чья техноэволюция в связанных мирах обязана идти совершенно одинаково. То есть по обнаруженному колесу нельзя было определить, что за планета по ту сторону хоула и кто ее обитатели, а лишь оценить их уровень развития. Но это мог бы сделать и каждый из нас прямо на месте, а также прикрутить взвешенной артефакт к шасси любого подходящего киевского грузовика. Скопинская теория оставалась нерушимой со дня ее создания, однако ученые еще на что-то надеялись; да и в любом случае все найденные возле свежего хоула инородные предметы подлежали тщательному обследованию.

Дальше по нашему курсу стоял особенно прочный дом, от которого уцелело аж два этажа. Стекол в окнах не было ни единого, кое-где их выбило вместе с рамами. У стен громоздились откосы из кирпича.

– Осторожно! – сказала Крошка. – Вон тот проем напротив, на первом этаже, третий от угла... Внимание... Сейчас!

Из проема выпрыгнул баскер – мы с Дашей ударили по нему из автоматов. Одна очередь попала в грудь, вторая разворотила голову – мутант кувыркнулся на лету и шлепнулся на землю перед нами уже полностью мертвым.

– С тобой ходить – одно удовольствие, – сказала Даша Крошке. Та скромно пожала плечиками – не о чем, мол, говорить.

Из дома, в котором только что царила тишина, неслись замогильные завывания, прерываемые яростным ревом, однако наружу больше никто не выпрыгивал. Наши окружили здание и постреляли по окнам из подствольных гранатометов. Рев смолк, но кто-то еще подвывал откуда-то снизу. Комбат прислал саперов. Те посмотрели, посоветовались, и поделились с ним неутешительными выводами. Комбат приказал всем убраться подальше. Через пять минут прилетел беспилотник и сбросил на дом высокоточную бомбу.

На группу Иванова напали сразу четыре крjúгера. Спецназовцы мгновенно порешили всех и запросили экспертизу: никем еще не отмечалось, чтобы крjúгеры охотились стаями. Но надежды на премию не сбылись – мутанты оказались самыми обычными, каких полно по всему городу.

– Они, наверно, подраться меж собой собрались, – поделился соображениями Грицай. – А тут видят – еда мимо идет.

– Мои ребята – не еда, – мрачно сказал Иванов. – А если и еда, то такая, что любой подавится.

Райли обнаружил большой провал поперек попавшегося на его пути переулка. Оттуда по одному и по двое выскакивали крысаки и убегали в сторону Трехсвятительской. Райли отправил шестерых из своей группы дальше вперед, а сам с оставшимися расположился у провала со всеми удобствами и методично отстреливал тварей, пока они не кончились. Одному Грицаю не везло, и Гридин приказал ему поменяться местами с Ивановым.

На перекрестке Прорезной улицы с Владимирской торчал беспилотный вездеход-разведчик. Преодолев множество завалов и других препятствий, это чудо проходимости заглохло посреди чистого места. Крошка обошла машину вокруг и, забыв о своем обещании не уходить в себя, отключилась от реальности.

– Что ее так заинтересовало? – спросила у меня Даша десять минут спустя.

– Не знаю.

– Может, вам ласково ее пнуть? – предложил Артем. – Нас путепрокладчики скоро догонят. А вездеход здесь не один такой.

– Да, а еще самолеты есть, – подтвердил Гридин.

– Сколько их всего вокруг? – спросил я у него.

Гридин помолчал – видно, ковырялся в своей командирской вводной, которая во многом отличалась от наших.

– Сперва дистанционную разведку вела украинская армия, – сказал он после паузы. – По ней точных данных нет. А Объединенные силы потеряли восемь самолетов и шесть вездеходов, прежде чем им стало жаль техники, и они прекратили.

– Еще бы не жаль. Каждая такая балда – что на гусеницах, что с крыльями, – это ж гора баксов.

– Конечно. Здесь даже обычная съемка местности для интерактивки велась абы как. Из четырех с лишним процентов погрешностей карты четыре приходится на этот район.

– Внимание, воздух! – подал голос Грицай.

Со стороны бульвара Шевченко к нам приближалась большая стая птицеров, похожая издали на летящее в небе драное одеяло. Охранявшие строителей «Терминаторы» открыли огонь с дальней дистанции. «Одеяло» распалось на отдельные лоскуты, но движения не прекратило, и вскоре стая была над нами. Вокруг падали на брусчатку и кучи мусора подбитые твари, а другие уже пикировали на нас, заодно спасаясь от пушек и пулеметов «Терминаторов». Даша ухватила Крошку поперек туловища и без всяких церемоний сунула под вездеход. Невесть откуда вынырнувший жабоящер кинулся туда же, заранее разевая пасть, но я его застрелил. В маленького Зунга вцепились сразу два здоровых птицера, потащили вверх, но добыча оказалась им не по силам, и они его бросили. Зунг упал на крышу стоявшего на перекрестке сгоревшего микроавтобуса и скатился вниз. Подбежавший Артем помог вьетнамцу подняться, отстреливаясь отседавших птицеров с одной руки. Даша обогнула вездеход и встала спереди, защищая щель в Крошкино убежище с той стороны, а я прижался к задку. Гридин, Даго и Пашич сперва подбежали к нам, но увидев, что помощь не требуется, помчались на подмогу Грицаю, чье подразделение оказалось в самой гуще событий. Группы Иванова и Райли, до которых никто из стаи не долетел, палили поверх наших голов, сильно уменьшая число птицеров, с которыми нам и Грицаю приходилось иметь дело. С тыла тем же самым занимались строители. Очнувшаяся от своей медитации Крошка попыталась выползти из-под вездехода, но я запихал ее обратно. У всех нас появилась возможность оценить тупость мутантов: некоторые из них, даже раненые, опускались на тела убитых и принимались их пожирать, наскакивали друг на друга и дрались за лучшее место у добычи, хотя прикончить их на земле было несравненно проще. Однако через несколько минут инстинкт самосохранения все же победил их аппетит. Птицеры взмыли высоко вверх, покружили над нами, еще и еще теряя своих от наших пуль, и потянулись в сторону Трехсвятительской. Иванов и Райли со своими бойцами мстительно стреляли им вслед, пока прицельной дальности хватало, а потом пересекли Прорезную и присоединились к нам.

Кто-то настойчиво и больно долбил меня прикладом по щиколотке – я вспомнил про Крошку и помог ей вылезти.

– Почему сразу не выпустил? – спросила она, хмуро глядя на меня снизу вверх. – Я умею стрелять. А лишний ствол в такой заварухе никому бы не помешал.

– Крошечка, родная, эти твари едва не утащили Зунга, а он в два раза тяжелее тебя. И ведь утащили бы – если б не тянули его в разные стороны. Так что не жалуйся.

Зунг отделался ушибленным плечом и шишкой на голове. Всех парней Грицай и его самого птицеры исцарапали когтями, но тяжелораненых и погибших не было. Гридин, Даго и Пашич тоже заработали по нескольку царапин, а остальные остались невредимы.

– Это ты накаркал, – сказал Грицаю Артем. – Все плакался, блин, что тебе мутантов не хватает. Теперь хватило?

– Хватило, хватило, – ответил тот. – Чуть было не стал еще красивее тебя. – И обратился к Гридину: – Нам новое обмундирование нужно. Ты только посмотри...

– А то я не вижу. И что – кто-то из вас разучился вдевать нитку в иголку?

Между ними завязался спор, в который они тут же вовлекли Смита. В итоге Грицай пробил своей группе три комплекта камуфляжа из первоначально затребованных одиннадцати, и пошел к передвижному батальонному лазарету на перевязку.

– Узнала что-нибудь? – спросил я у Крошки, кивнув на вездеход.

Крошка коснулась браслета, выключая связь, и щелкнула пальцами, давая понять, что я должен сделать то же самое, хотя мы и находились на конфиденциальном канале.

– Нет, только проверила то, что знала и раньше, – ответила она. – В проблемах с беспилотниками виноват мутаген.

Я попытался уложить в голове идею, согласно которой некая субстанция, заставляющая мутировать все живое, способна воздействовать также и на технику, и у меня аж мозги закрипели от натуги.

– А как это может быть? – спросил я.

– Потом расскажу, – ответила Крошка. – А то объяснять долго. Ну и желательно остальных сразу просветить.

– А тебе ничего за это не будет?

– Я в «оспе» на особом положении, и меня пока не трогали, чего б я ни творила. А я, со своей стороны, стараюсь не слишком нагнеть. В этот же раз вообще буду выполнять неофициальное задание отдела стратегического планирования. Смит подsunул меня вам в том числе и для того, чтобы организовать утечку информации. Впрямую он не говорил, но сто процентов, что так и есть. Смит законченная бездушная сволочь, но он преданный своему делу человек. И понимает, что вся эта долбанутая секретность осложнит сбор и анализ разведанных так сильно, как только возможно. Ему это не надо, и никому в Главном управлении тоже.

– Понятно... Знаешь, мне надо бы поговорить со Смитом. Желательно теперь же.

Крошка пристально посмотрела на меня, пришла к выводу, что я не собираюсь сделать глупость и нас подставить, и сказала:

– Ну так давай.

Я занес над браслетом палец и остановился.

– В чем дело? – спросила Крошка. – Боишься прыгнуть через голову начальства?

– Глупости. Через голову нашего командира можно прыгать сколько заблагорассудится. Он может потом распинать тебе зад, если ему не понравятся результаты, но прыгать не запретит. Просто я собираюсь с мыслями.

Много времени у меня на это не ушло.

– Зачем вы с Крошкой отключали связь? – спросил Смит, как только я его вызвал. – Не забывайте, что мне приходят уведомления о таких вещах. И я все равно вас вижу через камеры беспилотников.

– Да мы тут договаривались заняться любовью под этим вездеходом, – сказал я. – А то, что вы нас видите, придаст нашим парным упражнениям дополнительную остроту... Впрочем, под вездеходом вы ведь нас не увидите, верно? Лучше выбрать другое место – ну, например...

– Что вы от меня хотели? – перебил Смит.

– Уточнений. Во вводной упоминаются необычные помехи, мешавшие работе интеллектуальных систем в первый период после рождения хоула. Но ничего не сказано об их характере. На что они были похожи?

– На помехи от работы других интеллектуальных систем. Только экранирование от них не помогало. Иногда перед выходом из строя приборы беспилотников регистрировали энергоинформационные импульсы, аналогичные тем, что фиксируются при наблюдении люксоидов. Когда они лучами освещивают – знаете?

– Вот как?.. А позвольте, я поиграю в угадайку: помехи начали слабеть одновременно со снижением активности мутагена.

– Точно.

– Это все, что я хотел узнать. Спасибо, – сказал я и отключился.

– Ну и зачем тебе это было? – спросила Крошка. – Я же сказала – позже все объясню. И уж точно расскажу побольше, чем Смит.

– Он вел себя не слишком корректно по отношению к нам на подготовительном этапе операции. И мне хотелось проверить его теперь, когда мы на месте. Смит сдал тест на пять с плюсом: предупредил об уведомлениях о несанкционированных действиях – ведь они приходят не только ему. Он знал, что мы это знаем, но все же сказал, давая понять, что на нашей стороне... Так что – лезем под вездеход? А то похвалились, а сами ни тпру ни ну. Правда, сперва нам придется застрелить Дашу, но в чем загвоздка? Давай сразу решим – ты или я? Или оба, с двух стволов?

– Может, лучше залезем втроем?

– Тоже выход. Еще бы Смита пригласить к нам присоединиться, – но такой компанией мы не поместимся под вездеходом... Ладно, пошли к остальным. А то Гридин точно обидится и распинает мне зад.

Глава 5

Мы коротко пересказали нашим содержание только что состоявшегося разговора и сообщения Смита – естественно, при отключенной связи. Когда мы ее снова включили, никто извне нам замечания не сделал. И хорошо, – а то б я им выдал такой сценарий группового секса, за которым производители порнофильмов выстроились бы в очередь. Скауты в ОСП тоже были на особом положении. Может, не на столь почетном, как у Крошки, но и нам прощалось многое.

Сразу за перекрестком начиналась улица Ярославов вал. Крошка нашла на ней смятый лист кровельного железа и сказала, что он не киевский. Дальше на нашем пути предметы из другого мира стали попадаться один за другим: покореженные секции сетчатого ограждения, какие-то брусья, обломки стропил, шматы утеплителя. Добравшиеся до перекрестка путепрокладчики расчистили там площадку для вертолета – мы стали стаскивать обнаруженные артефакты туда, пока не скопилась целая куча, попутно стреляя по бросавшимся на нас мутантам. Дойдя до места, где улица сворачивала вправо, мы остановились. Темный купол хоула возвышался прямо впереди, не далее как в двухстах метрах.

– Хватит, – сказал Гридин. – Иванов, Грицай, Райли! Здесь тормозим.

Мы разбили цепь и сошлись вместе. Сунулись за поворот и вернулись обратно, выбирая наиболее подходящее место для привала, но быстро поняли, что это бесполезно: где ни остановись, везде будет что-то не так либо для удобств, либо для безопасности. В итоге мы просто уселись на асфальт подальше от всех подозрительных развалин. Спецназовцы расположились вокруг как придется, кольцом диаметром в пятьдесят метров. Все достали сухпайки, оцепили с ремней фляжки. Нас ждал не тот обед, что возбуждает дикий аппетит, а который мы нагуляли, отбивал смрад из канализационного люка метрах в пятнадцати.

– Закрывать бы его, – сказала Даша. – Интересно, где крышка?

– Смотря что попало в трассу по соседству с колодцем во время бомбежек, – ответил я. – Если что-нибудь легкое – крышка недалеко, хоть, быть может, и под завалами. А если тяжелое, ее могло и за пять кварталов отсюда зашвырнуть.

– Почему-то здесь мало пожирателей, – заметил Пашич. – Только трех подстрелили.

– Их по всему городу все меньше и меньше, – сказала Крошка. – Они уступают многим мутантам в силе и скорости, и те их едят. Правда, отмечено, что некоторые пожиратели уже пробуют швырять во врагов обломки кирпичей и при случае используют подходящие куски водопроводных труб вместо дубин. Скоро, наверно, и специально делать орудия научатся: постоянная опасность заставляет мозг работать. Если и дальше станут думать, а не только жрать, положение переменится в их пользу.

– Совсем как у первобытных людей, – вздохнула Даша. – История повторяется.

– «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем, – пробормотал Даго. – Бывает нечто, о чем говорят: "смотри, вот это новое"; но это было уже в веках, бывших прежде нас». Книга Екклесиаста, глава первая. Стихи девятый и десятый.

– Думаю, что все же пройдет немало времени, прежде чем среди пожирателей появится свой Екклесиаст, – сказал Зунг.

– И свой Даго, который будет его цитировать, – добавил я, и все расхохотались.

Как бы в продолжение нашего разговора, из люка вылез пожиратель. Мы вскочили, побросав брикеты и фляжки. Нижняя часть морды мутанта выступала вперед, как у обезьяны. Грицай и еще один спецназовец находились ближе к нему, однако сзади, и внимание мутанта сосредоточилось на нас.

– Живьем! – негромко, но внятно сказала Крошка, мгновенно оценив ситуацию, и все, кто поднял оружие, его опустили.

Пожиратель плотоядно ощерился, вытянул вперед руки со скрюченными пальцами и присел, готовясь прыгнуть, но его смущало, что нас слишком много. Он замешкался, и Грицаю хватило этого, чтобы подкрасться сзади и набросить сеть. Почувствовав на себе нечто, мутант взвизгнул испуганно и яростно, повернулся, дернулся назад и свалился, отчаянно пытаясь освободиться. Вскоре он совсем запутался – мы ему не мешали. Пожиратель был в лохмотьях, в дерьме, и от него воняло хуже чем из люка. Никому не хотелось к нему прикасаться.

– Премия моя, – довольно сказал Грицай.

– Попролам с Крошкой, – уточнил Гридин. – Без нее мы бы этого уroda пристрелили... Ты бы и пристрелил.

– Да ладно, – отмахнулась Крошка. – Мне премий за всякое разное падает достаточно. Все же Грицай его взял. А экземплярчик действительно интересный. Ставлю что хочешь, что такого точно еще никто не видел. Джутхани на седьмом небе от счастья будет.

– Вот только кто эту вонючку до вертолета потащит? – спросил Пашич.

– Чья премия, тот и потащит, – сказал Артем.

– Тогда я точно от премии отказываюсь, – решила Крошка.

Грицай оценивающе посмотрел на пожирателя.

– Да ну его к бесу! – возмутился он. – Чтоб я его ташил? Строителей попрошу – подцепят краном. Или ковшом пускай загребут, что ли... Не, точно: доставка техникой в любом случае. А дальше пусть им Жуткони занимается – или как его там – в лаборатории своей.

Мы усадились на свои места. Пожиратель хрипло рычал, ворочался и перекатывался с боку на бок, силясь порвать сеть. Укатиться далеко вправо или влево ему мешали разбросанные на асфальте кирпичи.

– А ведь та самая лаборатория ОСП располагалась где-то здесь, неподалеку, – сказал Гридин.

– Которая из Института красоты и гигиены? – уточнил Артем. – Посмотрели бы сейчас ее сотрудники вот на этого парня. Сплошная красота и гигиена.

– Может, он и есть сотрудник, – сказала Даша. – Завалило его в подвале, и он только теперь нашел выход.

– Какой вообще придурок додумался разместить биологическую лабораторию посреди Киева? – спросил я.

– Директор регионального отделения ОСП, – ответил Гридин. – Кто же еще.

– И он все еще директор?

– Конечно нет.

– И что с ним сделали?

– Сняли с должности.

– Ха!..

– Под суд он, естественно, пойдет, – поправился Гридин. – Но потом – пока непонятно, что ему предъявлять. Если все это, – обвел он рукой вокруг, – то тюремного срока ему накапает на миллионы лет. Да и не ему одному. Мутная история с этой лабой – очень.

– А тебе материалы по ней еще не пришли? – спросил Артем.

– Пришли частично. В Главном управлении бюрократия ужасная – сперва тебе выдают ознакомительный пакет, потом полный, потом еще секретный. Словно каждый раз надеются – вдруг тебе ознакомительного хватит? Да я сильно не расстраиваюсь. Во-первых, раз запрос рассмотрели и не отказали – пришлют. Во-вторых, на их информацию полагаться все равно нельзя. Захотят что скрыть – скроют. Скажем, секретный пакет сфабрикуют – и как ты проверишь его подлинность?.. А в-третьих, я сам немало знаю: довелось несколько месяцев работать в Киеве между координаторской должностью в Штатах и директорской – в центре подготовки скаутов. Украинские ОСП традиционно находятся под патронажем американских, а американцы – большие любители сваливать подшефным самый неудобняк. Уже это наводит

на нехорошие мысли по лаборатории – чем на самом деле она занималась. Что ученые там улучшенные вакцины от экзотических инфекций тестировали – я не сомневаюсь, только и это может быть прикрытием, как и Институт гигиены.

– Институт был коммерческим и принадлежал племяннику директора столичного отделения ОСП, – поделилась Крошка. – Заведение было элитным, туда ходили люди с деньгами. Похоже, половина сотрудников лаборатории, если не все, так или иначе работали на клинику института. Одни за деньги, другие под нажимом начальства.

Артем аж застонал от удовольствия.

– Сериал же! – сказал он. – Осталось только выяснить, кто с кем трахался и кто от кого залетел. Раньше люди сериалы смотрели, а теперь в них живут.

– Да-да, Артемушка, – подтвердила Крошка. – Эту историю если хорошо раскопать – там наверняка афера на афере и грязь на грязи. И так в «оспе» везде: кто-то человечество спасает, кто-то делает бизнес. И догадайся, кто чаще остается в живых и становится богаче. У меня есть знакомые в нашей Службе внутренних расследований – они пашут как проклятые днями и ночами, но незакрытых дел становится не меньше, а больше.

– Что-то у тебя везде знакомые – и среди ученых, и в СВР, – сказала Даша.

– Сколько на Объединенные силы работаю, столько меня и дергают с места на место, – ответила Крошка. – И там нужен либер, и тут. Но из СВР я ушла сама. И больше не вернусь, точно. Чем в том дерьме ковыряться, я лучше сегодняшнюю Грицаеву добычу с головы до ног вылижу.

С нами связались из какого-то научного подразделения. Выяснилось, что загребать пожирателя ковшом не придется: ученые сами прилетят за мутантом, а до этого они просили его не трогать.

– Да мы с радостью! – искренне ответил Гридин. – Выставим возле него часовых, чтоб никто не съел, и пусть лежит хоть целый день.

Меж тем путепрокладчики добрались уже и до поворота. Мы посторонились, и они ушли вперед не дожидаясь нас: экипажи могли управлять крановым оборудованием и менять конфигурацию отвалов не покидая машин, и людям за броней не угрожало ничего, кроме всепроникающего мутагена.

– Ну что, все поели-отдохнули? – спросил Гридин минут пятнадцать спустя. – Теперь идем вокруг хоула. Группами, по часовой стрелке.

– А можно против, – сказал Грицай. – А можно как попало зигзагами бродить – разница-то какая.

– Разница в том, что в первом случае ты подчиняешься приказу и действуешь как дисциплинированный солдат, – ответил Гридин. – Во втором случае – нарушаешь приказ. А в третьем – действительно бродишь, чувствуя себя полным вахлаком.

– Я и так здесь чувствую себя вахлаком. Все-таки привык работать на результат. А по нашим прогулкам какие будут результаты? Системщики вычислят новых мутантов? Так за это время новейшие наплодятся. Пока хоул не заблокирован, толку от зачисток никакого.

– Правильно, – согласился Зунг. – Однако сейчас весь украинский контингент ОСП нацелен на сдерживание. Просто чтобы мутанты не расплодились слишком сильно и не разбежались по всей стране.

– Понял, самостийная твоя душа? – обратился к Грицаю Артем. – Припади к кладезю восточной премудрости моего напарника, и успокойся.

– Да я тебе час!..

– Отставить! – скомандовал Гридин. – Назад, Грицай, кому говорю! Смирись и припади к чему велели.

– Но это варварство, когда квалифицированные специалисты работают в качестве наживки, – недовольно сказал Райли. – Неужели нельзя придумать нечто более эффективное?

– Кинологи уже получили задание, – сообщила Крошка. – Идея такая: приучаем собачек не бояться мутантов и не удирать поджав хвост, а напротив, их разыскивать. На шеи вешаем ошейники с маячками и взрывными устройствами на случай заражения мутагеном. Беспилотникам даем простую команду: «следить за маячками и уничтожать всех, кто бросится на собак с агрессивными намерениями». Аналитики не берутся спрогнозировать, что выйдет из затеи, но по мере дрессировки ее опробуют. Пока ясно только, что собачьи потери от дружественного огня будут большие и животных потребуется много.

– Надо запомнить на будущее: «Никогда не бросаться на киевских собак с агрессивными намерениями», – сказал я. – А не то...

Наша группа подошла к хоулу ближе остальных. Здесь было опаснее всего, но зато и маршрут самый короткий. Именно тут потом заложат фундамент бетонного саркофага. Мы шли по кругу в сорока метрах от куполообразного сгустка темного тумана тридцати с лишним метров высотой. По ту сторону была другая планета – и пока никто не знал, какая именно.

– Внимание! – предупредил системный оператор. – К хоулу движется люксоид.

Подсказок, откуда он движется, нам не требовалось. Хотя в целом люксоиды людей игнорируют, любая суета возле хоулов их сильно занимает. А сейчас в непосредственной близости от прохода в соседний мир суетился четвертый инженерно-строительный батальон.

Светящийся шар шести метров в диаметре медленно плыл над развалинами, ощупывая неярким, но отчетливо видимым тонким лучом путепрокладчики и прочую технику. Строители и саперы не предпринимали никаких ответных действий, продолжая заниматься своим делом. Инструкция на сей счет была строга, а действительность жизни – еще более. В самом начале интеграции, помнится, был случай: кто-то в подобной же ситуации навел на шар фонарик, включил его и стал сигналить азбукой Морзе. Люксоид засветился ярче, просигналил лучиком в ответ и уплыл своей дорогой. Через полчаса контактер-любитель почувствовал себя плохо, через час потерял сознание, а через два был уже мертв, причем причину смерти установить не удалось. Настоящие контактеры после долго гадали: воспринял шар действия человека как атаку и ответил адекватно или просто дружелюбно подмигнул в ответ, однако к общему мнению так и не пришли. Собственно, они даже не поняли до сих пор саму природу шаров – то ли это корабли разумных существ, то ли сами разумные существа.

Люксоид проплыл прямо над нами и нырнул в хоул. Туманный купол завибрировал, увеличивая свою пропускную способность, которая в нормальном состоянии совсем не велика. Из чего следовало, что масса шара о-го-го какая: будь он легким, и вибрация была бы слабее, – да и не пришлось бы ему растягивать межпространственную мембрану почти до состояния полной прозрачности. Между тем наши приборы при проходе люксоидов никогда не регистрировали ничего, кроме слабых пульсаций энергоинформационных полей, словно мимо пролетало нечто невещественное; а мембрана растягивалась не иначе как посредством волшебства. Зато мы давно приспособились протаскивать через хоулы разные крупные и тяжелые предметы сразу вслед за люксоидами, пока проход расширен.

– Вот кому пофиг все мутагены, – сказал Артем.

– Эх, залезть бы внутрь и путешествовать по всей Вселенной! – размышляла Даша.

– Да ладно, – охладил ее Гридин. – Хоть бы на вездеходе проехать за следующим. Но когда потребуется – хрен этих странников пространств дождешься.

– Научники говорят, что в будущем положение переменится, – сказал Зунг. – Чем больше Земля участвует в интеграции и чем больше на ней хоулов, тем чаще появляются люксоиды.

– А я слышал, что они сами и пробивают хоулы, чтобы свободно перемещаться между мирами, – поделился Даго.

– Чушь, – возразил Артем. – Никто их не видел ни перед рождением хоула, ни во время него, ни сразу после.

– И это доказательство? Ты, наверно, тоже замаскировался бы во время диверсии.

Мы шли вокруг купола, настороженно поглядывая в его сторону. Не только люксоиды, но и любые существа при проходе тоже увеличивают пропускную способность хоула, пусть мизерно и на доли секунды. Вибрации межпространственной мембраны при этом почти незаметны, однако набитым глазом их можно засечь и встретить пришельца из другого мира как полагается.

Потусторонних артефактов на нашем пути попадалось множество. Ребята и Гридин еле переставляли ноги, зато Крошка сновала туда-сюда по всей полосе движения группы, а мы с Дашей, соответственно, бегали за ней. Собирать все находки не было смысла – большей частью нам попадались однообразные предметы, которых уже достаточно лежало в куче на перекрестке. Мы заботились лишь о том, чтоб наши камеры передавали хорошую картинку следившим за происходящим ученым, да изредка ставили маячки возле того, что их заинтересовало, дабы потом вернуться и сразу все собрать.

– Оп-па! – сказала вдруг Крошка, уставившись в месиво из кусков стен и поваленных деревьев впереди. – Там кое-что действительно интересное! Со мной не ходить, это может быть опасно.

– А вообще мы здесь в полной безопасности, – не удержался я. – Только там опасно, да? Крошка повернулась и посмотрела на меня с укоризной.

– Мы обязаны тебя охранять, – напомнил я, избегая извинений. – А как мы станем это делать, если ты пойдешь туда одна?

– Я тоже обязана о вас заботиться, если что, – сказала она. – Как и полагается в команде.

И пошла вперед, часто останавливаясь. Мы с Дашей напряглись как спортсмены на старте, готовые открыть огонь в случае появления мутантов или броситься за Крошкой и оттащить ее в тылы группы. Она сделала двадцать шагов, тридцать, пятьдесят, сто, – и скрылась за кучами мусора. Беспилотников-наблюдателей прямо над хоулом не было, ближайший передавал мутную картинку издалека и сбоку, и мы переключились на камеру Крошки. Изображение прыгало, то и дело заваливалось вниз или вбок, но по крайней мере свидетельствовало о том, что с нашей подопечной все в порядке. Наконец она остановилась, наклонилась вперед, и мы увидели в кадре валявшуюся на земле штуковину с коротким толстым стволом, выглядящую неудачной и громоздкой пародией на «Маузер К96».

– Это пистолет-вакцинатор, – пояснила Крошка. – Он не здешний, и кто знает, что у него внутри. Поняли теперь, почему вам сюда не надо?

– Но тогда и тебе лучше оттуда убраться, – сказала Даша. – Пусть присылают беспилотник.

– Конечно. Но маячок ему кто-то должен был поставить?

Через минуту Крошка подошла к нам.

– Подождем, – сказал Гридин. – Сказали – пришлют только «трофейщика», без машины прикрытия. Вдруг он не сможет взять пистолет с высоты? А крысаки часто бросаются на низколетающие аппараты.

– А толку от нас? – спросил Даго. – Отсюда места посадки не видно. Мы не сумеем прикрыть.

– Ну, хоть вид сделаем, что прикрываем. Да и «трофейщик» же не сядет в полном смысле. У них манипуляторы длиннющие.

– А-а-а, точно.

Через десять минут высоко вверху завис небольшой квадрокоптер. Спустившись до десяти метров, он для начала выбросил хвататель на тросу. И внезапно дернулся, неровно и вразной взвыл двигателями, косо пошел в сторону и врезался в землю где-то в полосе движения группы Райли. Связь с внешним миром у нас моментально пропала. Крошка вздрогнула, резко выпрямилась и впала в забытье.

Мы ошетинились стволами, готовые продырявить любого, кто на нас бросится. Хотя понимали, что в киевской зоне не все вопросы решаются пулями. И текущий – скорее всего как раз тот, что не решается. Ясно, что квадрокоптер и нас накрыли помехи, мешавшие раньше дистанционной разведке. Только что делать-то? И, самое главное, – что делать с Крошкой? Ее тоже «накрыло»? Или она сама по доброй воле впала в медитацию, чтоб не упустить нечто важное? Тащить ее отсюда? Не тащить? Когда-то мы попали в похожее положение вместе с Ингой на Рорбести. Мы ее вытащили – и совершенно правильно сделали. Самостоятельно она из того состояния не вышла бы, не говоря о том, что все мы вообще могли погибнуть. Но тогда опасность была несомненной. А сейчас, может, ее и нет вовсе? Может, мы Крошке только помешаем?

Слева в поле зрения показались два бойца Райли, заметили нас, остановились и знаками дали понять, что хотя у них с нами связи нет, с остальными группами и батальоном они ее держат. Гридин, тоже знаками, приказал им оставаться на месте. Несколько минут прошли в напряженном ожидании. Ничего страшного не происходило. И вот Крошка открыла глаза, качнулась назад, и я поддержал ее, чтоб не упала.

– Мы ее нашли! – прошептала она возбужденно. – Похоже, мы нашли ее... Я даже не ожидала. Мы совершенно случайно нашли чистую культуру.

– Культуру чего? – спросил Гридин.

– Существ, из-за которых все началось.

Крошка поморщилась, заморгала, повертела головой, будто оглядываясь по сторонам, но на самом деле она просто пыталась поймать системный сигнал. Мы все хорошо знали это ощущение, которое иногда накатывает при сбое передачи данных на имплант, даже такой дохлый, как современные. Мозг привыкает пользоваться информацией сетевых источников наравне с поступающей через органы чувств, и вот в какой-то момент ты обнаруживаешь, что больше ничего не ловишь. Привычно делаешь запрос, но он уходит в пустоту и темноту. Ответа нет, картинки нет, и тебе кажется, будто ты стал видеть и слышать гораздо хуже.

– Связь отрубилась? – спросила Крошка. – Ну и хорошо, что нас никто не слышит. И хорошо, что разбился беспилотник. Вакцинатор следует брать очень осторожно. Как он уцелел при рождении хоула и выбросе сюда из того мира, я не знаю, но теперь-то никак нельзя его повредить. Пусть присылают «паука», экранируют его чем хотят, и берут с земли.

– О какой культуре ты говорила? – спросил я.

– В вакцинаторе сидит исходная культура нанофизитов – существ, провоцирующих мутагенез, – пояснила Крошка. – Или там что-то близкое к этому, или антикультура, созданная против них, – но разница невелика. Нанофизиты – не бактерии, не вирусы, они гораздо меньше, каждый состоит всего из нескольких сотен атомов. Фактически, это нанороботы. Собственно, только нанороботы и способны перестраивать живые организмы так, как это происходит в Киеве. Никому и ничему другому это просто не под силу, поскольку перестройки идут на молекулярном и атомарном уровнях. Строго говоря, это вообще нельзя называть мутациями.

– Если я правильно помню, что читала, – сказала Даша, – то таких роботов, про которых ты говоришь, создать нереально. Там и «проблема больших липких пальцев»², и невозможность программировать настолько маленькие машины. Тем более для выполнения задач вроде кардинальной перестройки людей и животных. Но получается, кто-то это сделал?

– Не обязательно, – ответила Крошка. – Возможно, нанофизиты возникли в природе естественным образом. Думаю, что именно так и было. Сейчас не время, а потом расскажу. Пока важно вакцинатор вытащить. До сих пор у нас могли изучать только измененных нанофизитов, понимаешь? Они ведь не только чужие тела перестраивают – самих себя тоже. Ими не

---

² Считается, что нанороботы не сумеют осуществлять операции с атомами и перестраивать молекулы при помощи манипуляторов, которые сами могут быть не тоньше, чем в один атом.

какая-то жесткая программа руководит, а коллективный инфогеном. Который, как и обычный геном, может изменяться от различных воздействий окружающей среды. Но в первую очередь – под воздействием естественных и искусственных информпотоков.

– Знаешь что, – сказал Гридин. – Я временно передаю командование тебе. Давай, говори что делать.

– Да ничего особенного, – ответила Крошка. – Раз мы еще не начали превращаться в пожирателей, значит, непосредственной опасности нет. Аккуратненько отходим в сторону группы Райли – нам надо определить размер зоны, в которой не действует связь. За ее пределами должно быть вообще безопасно. Потом обкладываем зону маячками и ждем, пока пришлют «паука». Обычный вездеход-разведчик к вакцинатору не пройдет, сами видите.

Так мы и поступили. Зона влияния инфогенома оказалась невелика: одним краем она прилегала к хоулу, что сэкономило нам несколько маячков.

Спецназовцы стянулись к нам. Гридин передал строителям, чтобы прекратили продвижение к хоулу. На связь вышел Смит, координатор ОСП в черте города, несколько ученых – специалистов по нанофизитам, и их глава, нобелевский лауреат по физике прошлого года Артур Джамаев. И канал нам организовали не просто конфиденциальный, а какой-то супер.

– Значит, ты все-таки нашла их, – сказал Смит. В его голосе сквозило и облегчение, и глубочайшее удовлетворение.

– Нашла, – подтвердила Крошка. – Не ручаюсь, что тех самых, однако это точно лучше наличных культур. Присылай «паука».

– Твой план не годится. Ты же знаешь – мы угробим «паука», и второго, и третьего, как их ни экранируй. Не исключено, что с двадцатой или сороковой попытки вселиться в «пауков», нанофизиты поймут, что те не годятся в качестве «хозяев». Но у нас машин столько нет.

– А что делать? Предлагай.

– Вакцинатор придется взять руками.

– Дьявольщина! – возмутилась Крошка. – Ну так садись в вертолет, прилетай и бери!

– Если выхода другого не будет, то так и поступлю, – сказал Смит, и я поверил, что он действительно сможет. – Однако пока предлагаю попробовать это сделать тебе. Ты, в отличие от меня, имеешь хотя бы слабый шанс вовремя почувствовать опасность и отступить.

Крошка задумалась.

– Ладно, – сказала она после паузы. – Но вознаграждение должно равняться моему прошлогоднему доходу. Оклад плюс все надбавки и премии.

– Договорились, – согласился Смит.

– Нет, – вмешался координатор. – Отмените это. Приказ Центрального комитета «Противодействия».

– Ого, куда уже инфа дошла, – удивился Пашич.

– Да комитет, наверно, сейчас на прямой связи, – сказал Зунг.

– Нельзя рисковать Крошкой, – продолжил координатор. – Она у нас одна. Идти должен доброволец из скаутов или спецназа поддержки. Или уж действительно Смит.

– Вы спятили! – воскликнула Крошка. – Про Смита я просто так сказала! Обычному человеку там нечего делать. Конечно я должна идти, а кому еще?.. Вы соображаете, что такое нанофизиты? Они при случае сквозь корпус вакцинатора пройдут как через воздух! Для них преград не существует! И сейчас они в вакцинаторе сидят лишь потому, что им кажется, что так лучше!

– Крошка, ты не успеешь отступить, – сказал Джамаев. – Если они начнут выходить, ты почувствуешь это, – но отступить не успеешь. Поэтому без разницы, кто пойдет.

– Нет, Артур, не без разницы, – возразила Крошка. – Обычные люди не умеют контролировать работу собственного мозга так, как либеры. И пусть я всего лишь недолибер, возможностей взять вакцинатор не потревожив нанофизитов у меня гораздо больше.

Спецназовцы молча переглядывались друг с другом и с нами. Все мы знали цену опасности – и насколько она возрастает, если оплошаешь. Никто не спешил вызваться – тем более что в серьезности предупреждений Крошки сегодня успел убедиться каждый. Если уж она открывала рот, то прислушаться стоило.

– А премия добровольцу такая же? – уточнил Грицай. – Годовой оклад со всеми выплатами?

– Да, – подтвердил Смит.

– Тогда я пойду.

– На тот свет торопишься? – поинтересовался Даго. – Я после смерти надеюсь попасть в рай – и то не тороплюсь.

– Сегодня меня чуть птицеры не сожрали, – ответил Грицай. – А завтра могут и сожрать. И выплат семье будет только на похороны и скромные поминки.

– Нет, – покачала головой Крошка. – Ты не пойдешь. Если не я, то идти должны Сергей, Даша или Артем. Кто-то из них.

– Это еще почему? – возник Грицай.

Крошка не ответила. Она ждала, что скажут по связи сверху. Там сейчас тоже совещались, только по своим, еще более супер-каналам, и мы их не слышали.

– Все верно, – сказал наконец координатор. – Идти должен кто-то из этих троих.

– Тогда я, – решился Артем, прежде чем мы с Дашей успели хоть как-то отреагировать. – Пятую двойку трогать не будем, ладно?.. Она у скаутов вроде талисмана, – пояснил он неизвестно кому. – Единственная из первых ста сформированных двоек, в которой не было безвозвратных потерь. Пускай и дальше остается неубиваемой и непотопляемой.

– Решено, – сказал координатор, пресекая поводы к дальнейшим дискуссиям. – Сейчас вам доставят необходимое спецоборудование. И объяснят, как им пользоваться.

Глава 6

Путепрокладчики снова пришли в движение и расчистили дорогу до нас. На перекрестке Прорезной и Владимирской приземлился вертолет – оттуда к нам доставили массивный контейнер и протянули от него кабель обратно до перекрестка. Молодой рослый парень в серебристом комбинезоне вручил Артему другой контейнер, маленький, с двумя ручками по краям, и сказал:

– Когда окажетесь на месте, наклонитесь над вакцинатором и расположите контейнер прямо над ним, примерно в полуметре. Нажмите большую зеленую кнопку на правой ручке – он откроется и выдвинет манипулятор. Больше вам делать ничего не надо: манипулятор самонаводящийся, все уже настроено. После того, как вакцинатор окажется внутри, контейнер закроется. Останется лишь донести его до большого контейнера, который откроем уже мы. И закроем мы. Ну а если случится накладка с техникой, вам действительно придется взять вакцинатор руками.

Артем молча кивнул.

– Внимание координатору ОСП в черте города, – раздался по связи чей-то резкий голос. – Поручаю вам сформировать группу прикрытия и лично руководить операцией.

Это кто-то из Главного управления, подумал я. Если не из самого Центрального комитета.

– Принял! – ответил координатор.

– Минуточку! – вклинилась в разговор Крошка. – Эта операция – часть подготовительного этапа операции разведгруппы Гридина. По правилам, при форс-мажорных обстоятельствах командовать должен непосредственно он. А он передал командование мне.

– О нет, – только и сказал координатор.

– Дорогая, – произнес резкий голос. – Я специальный уполномоченный группы «Противодействие». И я приказываю вам...

– Я отказываюсь подчиняться, – перебила Крошка. – Согласно уставу Объединенных сил, удаленное командование в текущем положении недопустимо, пока жив полевой командир. Связь нестабильна – координатор может не успеть отдать необходимый приказ в критический момент или полностью потерять контроль над ситуацией. По окончании операции можете меня уволить. В случае провала можете отдать меня под суд. Но группу прикрытия сформирую я. Она будет состоять из меня и пятой двойки разведгруппы.

– Гридин! – взорвался уполномоченный. – Немедленно арестуйте ее и утащите подальше оттуда!

– Он не вправе меня арестовывать, – возразила Крошка. – Если он попытается это сделать, я применю оружие.

Гридин смущенно закашлялся.

– Она права, – сказал он. – Я ее не то что арестовать – передать командование мне обратно заставить не могу. Вплоть до завершения всех действий с вакцинатором. И вы уверены, что координатор справится с поставленной задачей успешнее?

В эфире повисла тишина. Похоже, уполномоченный совсем не был уверен.

– Вообще-то состав группы прикрытия идеален, – подал голос координатор, нарушая субординацию. – Ученые подтверждают. Если забыть о том, что мы не хотим лишиться единственного либера в ОСП, лучше и пожелать нельзя.

– Знаю, – ответил уполномоченный, еще помолчал и добавил: – Что ж, действуйте в соответствии с правилами.

– Перемога! – хохотнул Грицай. – Крошка рулит!

– Круто, – согласился Иванов.

– Мои поздравления, мэ, – почтительно сказал Райли. – Однако замечу, что с такими методами вы рано или поздно попадете на гильотину.

– Крошка в своем репертуаре, – хмыкнул кто-то из ученых. – Помнится, в Сингапуре она...

– Коллега, я вас умоляю, заткнитесь, – посоветовал ему Джамаев, и что отколола Крошка в Сингапуре, мы не узнали.

– Начинаю понимать, за что власти так ненавидят либеров, – пробормотал Даго. – Будь я властью, тоже ненавидел бы.

– Всем, кроме Артема и пятой двойки отойти за перекресток, – принялась распоряжаться Крошка. – Артем, слушай меня внимательно: когда пойдешь к вакцинатору, постарайся ни о чем не думать. Особенно о том, о чем скаут обычно и думает, – как уцелеть и при этом сделать дело наилучшим образом. *Это* дело наилучшим образом сделать нельзя, потому что никто не знает, как его делать. Но одно могу сказать точно: нанофизиты чувствительны к любым информпотокам, и тебе лучше всего вообразить себя безмозглой амебой, неспособной мыслить. Просто иди к вакцинатору, забирай его и возвращайся. Не бойся совершить какие-то неправильные действия. Даже если ты уронишь вакцинатор, скорее всего, ничего страшного не произойдет. А вот если испугаешься при этом – может. Помни, что контейнер сам по себе не способен удержать нанофизитов внутри. Они слишком маленькие, и достаточно герметичных емкостей для них, которые можно открыть и закрыть, просто не существует. А при желании они вообще могут разобрать что угодно на атомы. Оба контейнера рассчитаны лишь на экранирование внешних информпотоков и создание искусственной информсреды внутри – больше ни на что.

– Понятно, – только и сказал Артем. В критических ситуациях он всегда становился немногословным.

Крошка посмотрела на Дашу, затем на меня:

– После такой инструкции Артему не стоит и говорить, что делать мне и вам. Фактически, он должен инстинкт самосохранения отключить. Следим за ним, смотрим во все глаза и убиваем любого мутанта, который появится в пределах видимости.

Мы не стали спрашивать, почему Крошке было так важно, чтобы вакцинатор брал кто-то из нас, и отчего она пошла на конфликт с – ни много ни мало! – уполномоченным «Противодействия», лишь бы в группу прикрытия не попал никто другой. Тем более не захотели отказываться. Во-первых, все уже решили без нашего участия, а после демарша Крошки любые попытки восстать против начальства показались бы смешными. Во-вторых, всего-навсего за неполный день мы настолько привыкли к тому, что наша двойка превратилась в тройку, и привязались к Крошке, что и помыслить не могли позволить ей прикрывать Артема в одиночку или заменить нас кем-то еще.

Артем подмигнул нам, закинул автомат за спину и пошел вперед, держа контейнер прямо перед собой. Мы двинулись следом короткой цепью – я и Даша по краям, Крошка в центре и чуть сзади.

– За тылы не беспокойтесь, – процедила она сквозь зубы. – Я успею предупредить, если кто-то появится со спины.

Артем вошел в обозначенную маячками зону. Нанофизиты уже успокоились, связь работала. Мы хорошо видели через Артемкину камеру, и даже слышали, как он дышит, – спокойно, как на прогулке.

– Тоже входим в зону, – сказала Крошка. – Связь может испортиться в любую секунду, надо следить за обстановкой визуально.

Пока все шло хорошо – вокруг нас и в небе было чисто. Артем пробрался через завалы, остановился у вакцинатора, наклонился над ним. И тут чуть заметно дрогнул хоул – дважды: кто-то хотел войти в него на той стороне и тут же отступил. Артем засек это дрожание и выпря-

мился. Видно, полностью забыть об окружающем и перевоплотиться в амебу у него не получилось – сработала многолетняя привычка всегда быть настороже, если ты на задании.

– Ч-е-е-ерт! – простонала Крошка. – Назад, Артем, назад! Бросай контейнер! Нацель на вакцинатор, открой и брось!

Артем что-то сказал, но мы его не расслышали, и связь вырубилась.

– Артем, беги! – завопила Крошка. – Беги, они выходят!

Хоул дрогнул еще раз и из него появился минотавр – безволосое мускулистое чудище весом в полтонны, похожее на помесь быка, тигра и человека.

Артем швырнул контейнер на вакцинатор, повернулся, чтобы бежать, заметил мутанта и развернулся обратно, перебрасывая из-за спины автомат. Однако выстрелить не смог: его свело судорогой и затрясло, словно от ударов электрическим током. Минотавр взревел, увидев добычу, и кинулся на Артема. Тот смог все же поднять автомат, а мы открыли огонь еще раньше. Минотавр вздыбился, вставая на задние лапы, и буквально развалился на части от пуль из четырех магазинов. Даша добавила к этому еще пару выстрелов из подствольного гранатомета.

– Артем, как ты?.. – крикнула Крошка, перезаряжая винтовку. – Артем, отвечай! Четко, внятно – иначе мы будем вынуждены убить тебя! Как себя чувствуешь?

– Я? – переспросил Артем неуверенно и удивленно. – Вроде, в порядке. Сперва жар по телу прокатился и сковало всего, но сразу отпустило.

– Пошли! – приказала Крошка. – Идем туда – и пропади оно все пропадом!

Мы подбежали к Артему. Контейнер валялся на земле – он выпустил манипулятор, втянул вакцинатор в себя, но попавший под крышку камень помешал ему закрыться. С минотавром что-то происходило. Он был мертв – я мало кого видел настолько же мертвым. Никак не остаться в живых, если тебя всего прошило пулями, разорвало пополам, а еще снесло голову и оторвало две конечности из четырех. Однако с останками чудища творилось нечто странное. Они дергались, как недавно Артем, вздувались буграми, их вело и корежило.

– Контейнеры, нам нужны контейнеры! – среагировала Крошка. – Все это нужно собрать! И как можно быстрее нарастить друг от друга!

Куски минотавра быстро превращались в скопления аморфной биомассы, живущие сами по себе. Крошка подбежала к брошенному контейнеру, защелкала кнопками, заставила его раскрыться и отдать вакцинатор. Потом подошла к подходящему по размеру скоплению, нацелила аппарат на него и втянула манипулятором внутрь.

– Сергей, Даша – бегом на перекресток! – приказала она. – А я с Артемом здесь!..

Мы рванули назад и через пару секунд вышли из зоны отсутствия связи. Наперебой, торопясь и путаясь, обрисовали ученым обстановку. Сбоку из развалин выпрыгнул потрошитель – мы его расстреляли не останавливаясь. Навстречу нам бежали Гридин, Зунг, Пашич, Даго и все три группы спецназа в полном составе.

– Эй, элита, вы там че творите? – крикнул еще издали Грицай. – А где Артем, вашу мать? Куда Артема потеряли?

– Хватайте большой контейнер! – крикнул я в ответ. – Кабель отцепите от него – и тащите к хоулу!

Ученые меж тем уяснили, что происходит и что требуется, – это делало им честь, поскольку мы сами понимали суть событий весьма слабо, не говоря уже о переводе ее в слова. Возблагодарив судьбу за сообразительность научной братии, мы повернули назад. От хоула доносились то отдельные выстрелы, то короткие очереди. Подбежав, мы увидели, что скопления биомассы медленно ползают туда-сюда, и вроде как пытаются превратиться в нечто более осмысленное, а Артем с Крошкой аккуратно и с расстановкой палят по ним, не давая ни превращаться, ни сползаться вместе, ни расползаться слишком далеко в стороны. Группа Иванова подтащила большой контейнер. Кое-как разобравшись в кнопках, мы сумели загрести в него

самый здоровый и шустрый кусок минотавра, ставшего неизвестно чем. Группа Райли героически встала между остальными и хоулом, хотя расстояние было настолько мало, что появились другие минотавры, бог знает, как ребята стали бы нас от них оборонять, да и себя тоже. Райли недовольно бубнил, что это жутко непрофессионально, и что такая позиция у него в последний раз. И тут же сам себя опровергал, заявляя, что конечно же, это не в последний раз, потому что Россия – родина бардака, и у русских ничего по порядку не бывает.

– Ты вот доворчишься на русских, и я тебя пристрелю, – пообещал Иванов. – А вообще мы на Украине, если что. В составе международных Объединенных сил.

Над нами завис вертолет с контейнерами и специалистами по нанофизитам – то и другое быстро и грубо спустили вниз по тросам. Артур Джамаев тоже прилетел, однако его все-таки пожалели и высадили на перекрестке. Мы сдали дела ученым и подошли к вакцилятору.

– Он пуст, но взглянуть интересно, – сказала Крошка.

Вакцилятор заряжался композитными капсулами примерно так, как пистолет с несъемным магазином. Пустые капсулы после инъекции выбрасывало экстрактором в мягкий сборник сбоку. Они там и лежали, а в магазине осталась только одна неизрасходованная.

– Теперь и она пуста, – сказала Крошка. – Могу заранее сказать, как устроена: ее тоже сконструировали с расчетом на создание внутри искусственной информсреды. Но пока пистолет здесь лежал, аккумулятор сел, и... В общем, повезло нам, что целая капсула была в нем единственной. И с минотавром повезло. Сперва он чуть все не испортил, – но потом действовал как по заказу.

– Что случилось? – спросил Гридин.

– Если коротко: нанофизиты выбрали Артема носителем и уже вошли в него, попутно перестраивая собственный инфогеном под «хозяина». Но за самого Артема взяться не успели – и когда минотавр напал, атаковали его. Они уже считали Артема «своим», понимаете? И защищали от «чужого» как могли. Когда мы стали стрелять по минотавру, существа восприняли нас как союзников... Уникальный случай, я думаю. Впрочем, это по большому счету догадки.

– А можно мне его подержать? – спросила Даша, указывая на вакцилятор. – Хочу, так сказать, ощутить, из-за чего рисковали.

– Да сколько угодно, – разрешила Крошка, протягивая пистолет ей. – Теперь он совершенно безопасен. Нанофизитов там миллионы – и в капсуле, и внутри корпуса, но они неактивны вне полей родных инфогеномов. Просто потерянные экземпляры своих популяций... Ты могла бы оставить этот вакцилятор себе в качестве сувенира и хранить дома на полочке, но не получится – ученые отберут.

– Да у нас с Сережкой пока нет ни дома, ни полочек, – сказала Даша. – Так что пусть отбирают, отдам без боя.

– Дай сперва мне посмотреть, – попросил Пашич. – С полгода назад случайно заинтересовался этими штуками, генерирующими обособленную информсреду, – пояснил он. – У нас самая маленькая из них как раз размером с контейнер, который выдали Артему. А у соседей за хоулом, выходит, – капсула чуть больше автоматного патрона.

– Да, – подтвердила Крошка. – Как говорится, почувствуйте разницу. В области изучения инфосферы они продвинулись дальше нас.

– Пистолетик-то для массовых вакцинаций, – заметил Даго. – Капсулы наверняка перезаряжались, раз для них сборник есть. Выходит, они специально заражали кого-то мутагеном?

– Или боролись с ним, – ответил Зунг. – Крошка ведь тогда сказала... Скажи ему, Крошка.

– Да помню я, что она говорила.

– Заражали, боролись – не важно, – сказал Пашич. – Главное, что у них высокий уровень технологий. И при этом на нашу сторону они до сих пор не заглянули.

– Ну и что? – повернулся к нему я. – Мы на их сторону разве заглянули? Время было? Нет, еще только собираемся.

– Верно. Что-то я протупил.

– Это все халявные стимуляторы. Халява вообще на пользу не идет.

– Ты чего такой мстительный?

– Чтoб никому мало не показалось. А теперь попробуй сказать, что мстительность – архаичный инстинкт.

– Да ну тебя. Ты и так теперь мне до смерти эти инстинкты вспоминать будешь.

Тяжело опираясь на трость, к нам подошел Джамаев.

– Рад, что ты жива, – сказал он Крошке. – И остальные тоже.

– Да, это неплохо, – усмехнулась она. – Но чистую культуру мы не добыли.

– Вы не виноваты. И то, что мы получили, уже много. Конечно, в пойманной биомассе уже не те нанофизиты, которые сидели в вакцинаторе, – но они близки к ним. Ты сделала все, что могла, и гораздо больше, чем была обязана. Однако я вот что хотел бы тебе сказать...

Джамаев рассеянно огляделся вокруг, посмотрел на небо и снова на Крошку:

– Послушай старика – будь осторожнее. Нельзя постоянно вот так нагибать начальство.

– Я не постоянно. Только когда очень надо.

– А я и не спорю, что было надо. Если б ты не настояла на своем, мы сейчас вместо минотавра грузили бы в контейнеры этого паренька со шрамами на лице. Но пройдет время, и хорошее наверху забудется. А плохое там запомнят навечно. Уже запомнили. Твои действия в создавшемся положении признаны безукоризненными и рабочей экспертной группой, и координатором, и уполномоченным. Но тебе об этом не сообщили, верно?

Ученый кивнул нам, похлопал по плечу Артема и пошел обратно на перекресток. А на смену ему оттуда явился Смит. Крошка встретила его настороженно, однако американец оказался настроен миролюбиво.

– Больше не хочу слышать от тебя, что ты недолибер, – сказал он. – Как ты узнала, что случится?

– Но я не знала, – возразила она. – Назови это предчувствием.

– Теперь можешь все рассказать остальным, – сказал он. – Больше нет смысла соблюдать секретность.

– И раньше не было, – заметил Гридин.

Смит недобро на него посмотрел, но промолчал.

– Знаю, знаю, – сказал Гридин. – Я теперь всего лишь командир разведгруппы и не понимаю всей сложности положения – вашего, и «Противодействия». Вот как на эту работу перешел – так сразу мозги у меня деградировали.

– Мозги у вас остались в порядке, – ответил Смит. – Нервы сдают – это да. Отказавшись от высоких должностей, вы отказались также и от возможности заметно влиять на события. Только никто, кроме вас, в этом не виноват.

Я обнял Дашу и отвел ее в сторонку, чтоб не мешать этим двоим ругаться. Остальные потянулись за нами. Но наша тактичность ничего не дала: Гридин обменялся со Смитом еще парой едких фраз и присоединился к нам.

– На сегодня с зачистками покончено, – сказал он. – Тем более что уже вечер. Пойдемте засядем в вездеходе.

Так мы и поступили. Строители тоже прекращали работы и готовились к наступлению ночи. Спать предстояло за броней, и вроде можно было ни о чем не беспокоиться, если б не грядущая необходимость вылезать наружу на следующий день: а это придется сделать хоть меньшей, но все же значительной части личного состава. И следовало расположить машины так, чтобы наутро обошлось без потерь, а желательно – вовсе без нападений со стороны устроивших удачные засады мутантов.

Как только мы устроились в салоне, слово взяла Крошка:

– Сперва хочу попросить прощения у Артема, Даши и Сергея за то, что втянула их в операцию, ни о чем не предупредив. У меня была возможность рассказать все в двух словах Сергею, когда мы торчали у вездехода, или сразу после – уже всем...

– Да не извиняйся ты, – поморщилась Даша. – Кто тебя упрекает?

– ...зато теперь это можно сделать не торопясь и в подробностях, – закончила Крошка. – Как я и хотела. Хотя, думаю, все уже догадались, почему мне понадобились именно вы.

– Черта с два мы догадались, – проворчал Артем.

– Нет? – удивилась Крошка. – Ну как же?.. Достаточно вспомнить о том, что у вас общего.

– Мы все – безнадежные идиоты, раз до сих пор не нашли себе работу побезопаснее? – предположила Даша.

– Не может быть, – усомнился я. – Вокруг было полно таких же идиотов.

– Вы трое в свое время побывали на Сатанаиле, – сказала Крошка. – А больше из разведгруппы и спецназа там не был никто.

После ее слов до меня наконец дошло, почему при виде мутировавшей киевской растительности мне постоянно казалось, что я это уже видел раньше. Нет, она не была похожа на сатанаильскую один в один, – но от нее отчаянно несло именно Сатанаилом. И надо же – не вспомнил сразу. Правда, и ругать себя слишком не стоило. Обязательная к изучению информация поступала нам в таких объемах, что пухла голова, а чуть позже ты усвоенное на девяносто процентов забывал, поскольку необходимость помнить вытесняла еще более настоятельная необходимость выполнения текущих задач. Ведь их невыполнение чаще всего означало и твою собственную смерть; а покойнику все равно, насколько хорошо он знал пятьдесят или сто миров.

– Не понимаю, причем тут Сатанаил, – призналась Даша. – Но если это так важно... Постой, а как на счет тебя? Ты пошла с нами потому, что либер, или потому, что тоже на Сатанаиле была?

– Я прожила там десять лет, – ответила Крошка.

Никто ничего не сказал: все молчали, переваривая эту сногшибательную новость. Мы с Дашей провели на Сатанаиле несколько часов и в ужасе сбежали, благо хоул был рядом. Артем странствовал там две недели и выбрался оттуда едва живой, с изуродованным лицом. А тут... Десять лет!!!

Я вспоминал этот мрачный и опасный мир без солнца, его пейзажи, его чудовищ, и сопоставлял всплывающие в памяти картинки с тем, что видел в Киеве. И там и тут у живых существ наблюдалась тяга к гигантизму, и они могли есть совершенно несъедобную на любой взгляд пищу. И там и тут кто-то постоянно на кого-то охотился. И даже окраска киевских мутантов, не слишком подходящая для Земли, и скорее мешавшая, чем помогавшая маскироваться, сделала бы их великолепно приспособленными для жизни на Сатанаиле.

Да, какая-то связь между Сатанаилом и киевскими событиями была, и я уже начинал понимать, в чем она заключалась.

– Согласно теории Эпштейна, Сатанаил бесконечен, – сказала Крошка. – Не буду вдаваться в подробности, как это может быть, потому что и сама не понимаю. Отмечу только, что в случае правоты Эпштейна мы имеем мир с бесконечными ресурсами, связанный хоулами с тысячами, а может, миллионами землеподобных миров по всей Вселенной. Живые организмы просто не могли не попытаться освоить столь перспективное в плане лакомых кусков пространство! Однако на Сатанаиле нет солнца – вот в чем проблема, а блуждающие сияния дают слишком мало света. Зародилась жизнь прямо там, или была туда занесена, ей пришлось приспособиться к существованию в вечном сумраке. И она нашла способ – симбиоз с нанофизитами. Неясно, откуда взялись они сами. Существуют гипотезы как об их искусственном, так и естественном происхождении. Я думаю, что их никто не создавал, что они возникли в природе

в процессе эволюции, и стали такими, каковы они есть, именно в симбиозе с другими организмами. Ведь они могут жить где угодно и перестраивать что угодно – однако живут лишь внутри других живых существ. Но и гипотезу об искусственном происхождении ученые пока не отвергают. Согласно ей, некая разумная раса создала нанозитов специально для колонизации Сатанаила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.